

ЮНГИАНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Полли

Янг-Айзендрат

Ведьмы
и герои

Юнгианская психология

Полли Янг-Айзендрат

**Ведьмы и герои. Феминистский
подход к юнгианской
психотерапии семейных пар**

«Когито-Центр»

1985

Янг-Айзендрат П.

Ведьмы и герои. Феминистский подход к юнгианской психотерапии семейных пар / П. Янг-Айзендрат — «Когито-Центр», 1985 — (Юнгианская психология)

ISBN 0-919123-17-1

Почему разрушаются близкие отношения между мужчиной и женщиной? Почему через несколько лет после заключения брака наступает явный или скрытый кризис? Можно ли вообще супругам сохранить длительные близкие отношения в современном обществе? Как этого достичь? Это всего лишь несколько из множества актуальных вопросов, связанных с широким спектром отношений между мужчиной и женщиной, которые подробно обсуждаются в этой книге. Автор книги, руководствуясь глубинной психологией Юнга, концепцией развития личности Салливена и феминистским взглядом на положение женщины и мужчины в современном обществе, разработала эклектическую концепцию терапии семейных пар, которую в течение более 20 лет с успехом применяет на практике. В книге приведена подробная методология терапевтического процесса, обозначены самые типичные и самые сложные проблемы, с которыми сталкиваются психотерапевты, и даются конкретные рекомендации начинающим терапевтам. Книга рекомендуется для широкого круга читателей, интересующихся вопросами межличностных отношений, а также практическим психологам, занимающимся индивидуальным и семейным консультированием.

ISBN 0-919123-17-1

© Янг-Айзендрат П., 1985

© Когито-Центр, 1985

Содержание

Выражение благодарности	7
Предисловие к русскому изданию	8
Глава 1. Использование фольклора в психотерапии	11
Значение архетипической фемининности	14
Сэр Гавейн и леди Рагнель: чего действительно хочет женщина?	18
Испытание изменением	20
Глава 2. Феминизм и юнгианская психология	24
Теория феминизма и психотерапия	26
Восстановление доминирующей сознательной установки	29
Анимус и самоощущение женщины	32
Стадии развития анимуса	35
Индивидуация как модель развития	41
Конкурирующие реальности в интерактивном поле	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Полли Янг-Айзендрат

Ведьмы и герои. Феминистский подход к юнгианской психотерапии семейных пар

Polly Young-Eisendrath

HAGS AND HEROES

A Feminist Approach to Jungian Psychotherapy with Couples

© «Когито-Центр», перевод на русский язык, оформление, 2005

Печатается с разрешения Inner City Books.

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается.

Выражение благодарности

Этот проект был успешно осуществлен мною в тесном сотрудничестве с Эдом Эпстайном, моим котеерапевтом. Мы с Эдом отыскивали чудесное средневековое сказание о сэре Гавейне и леди Рагнель, попытались интуитивно осмыслить его, а позже нашли ему практическое применение в интерпретации отношений между супругами. Мы провели терапевтическую работу со многими супружескими парами в поисках подхода к восстановлению доверия и единения в любовных отношениях. Эти пары научили нас многому, о чем написано в этой книге; и нам самим удалось исцелиться множество раз. Мы оба благодарны нашим клиентам – супружеским парам, которые доверились нам и получили представление о том, как «выбраться из непроходимой чащи» отчаяния и одиночества.

Я выражаю глубокую благодарность Конни Секарос за кропотливую редакторскую работу над рукописью этой книги. Ее знание юнгианской психологии и организаторские способности заслуживают самой высокой оценки и самых теплых слов.

Мои дорогие друзья из квакерского исследовательского центра Пендл Хилл в течение длительного времени создавали творческую рабочую атмосферу, когда я печатала рукопись этой книги по 12–15 часов в сутки. Именно в Пендл Хилл в течение долгого времени «хранились» плоды моего воображения, пока я не извлекла их на свет в этой комнате.

Все мои дети, Эмбер и Колин (которые живут со мной), Ноа (которая часто ко мне приходит), Аарон, Рэйчел и Арни (которые приходят не так часто) спокойно терпели мою невероятную занятость в течение многих лет. Более того, они постоянно побуждали меня выходить за рамки моих собственных идей и фантазий.

Я благодарна многим моим друзьям за идеи и рекомендации, но двух мне хотелось бы отметить особо. Флоренс Уэйдманн провела не один час, беседуя со мной о вкладе юнгианской психологии в феминизм и феминизма – в юнгианскую психологию. Демарис Уейр обогатила меня знаниями и воодушевила меня своей критикой некоторых юнгианских концепций, противоречащих идеалам феминизма. Фло и Ди были не только блестящими критиками – они были прекрасными подругами, когда мне требовалась сердечная поддержка. Эта книга отражает взгляды представителей юнгианского сообщества. Я надеюсь, что узнаю его мнение о пользе этой книги.

Предисловие к русскому изданию

Двадцать лет назад, взявшись за книгу «Ведьмы и герои», я только начинала частную психотерапевтическую практику и свою психологическую и академическую карьеру в хорошо известном женском колледже. Кроме того, одновременно я обучалась юнгианскому анализу. Эта небольшая книга, написанная очень быстро – в течение четырех месяцев, – по моему мнению, должна была открыть глаза известному мне сообществу семейных терапевтов в Филадельфии, штат Пенсильвания, на системный метод работы с семьями, основателем которого был доктор Сальваторе Минухин.

Этот вид семейной терапии был разработан для придания главной роли отцу в бедных латино-американских и афро-американских семьях, где мать была главой и кормильцем семьи, а зачастую – единственным взрослым, ответственным за воспитание детей. Минухин и его последователи вместе с матерью и детьми приводили в терапевтический кабинет отца и в процессе семейной терапии открыто принимали его сторону, соглашаясь с его взглядами и одновременно игнорируя мать и те мысли, которые она высказывала. Естественно, такое отношение было лестным для беспутного отца, и некоторое время он занимался делами семьи до тех пор, пока вновь не начинал тяготиться своими обязанностями и не пускался в бег. На систематических сессиях терапевты, уверенные в том, что мать и так обладает большой властью в семье, знает больше и берет на себя гораздо больше ответственности, обычно игнорировали ее мнение. Видя такое отношение терапевтов, мать приходила в ярость, теряла над собой контроль и вела себя как обычная стерва. Проблемы, связанные с половыми различиями, совершенно не принимались во внимание, и считалось, что такие матери обладают большей властью в семье, так как оказывают эмоциональное воздействие и давление на своих близких. Подобные утверждения приводили женщин-клиенток в смятение и едва ли не сводили их с ума.

Как феминистка и юнгианский терапевт, я могла видеть, что такие матери несли на себе негативные проекции, причиной которых являлись не их поведение, реальная власть или статус, а бессознательные фантазии и чувства наблюдателей. Это искажало их имидж: женщины должны быть сильными и властными, но они чувствуют себя подавленными, уставшими и уязвимыми. Меня беспокоило несправедливое отношение семейных терапевтов к этим женщинам: терапевты не обращали внимания на бессознательные комплексы, не были знакомы с теорией бессознательной психодинамики и не осознавали влияния мощных сексуальных стереотипов, лежащих в основе идеализации нами материнства и обесценивания женщин.

За несколько лет до появления книги «Ведьмы и герои» мы вместе с Эдом Эпстайном наблюдали за проведением терапии семейных пар – диадической терапии, которой мы продолжаем заниматься последние двадцать лет. Тогда я заметила, что у каждой пары всегда существует своя история или определенная психодинамика. Считалось, что женщина «сильнее, раздражительнее и энергичнее» мужчины: она казалась ведьмой, походившей на ведьм, в которых превращались матери – клиентки Минухина, когда их игнорировали или оставляли в стороне. И напротив, мужчина, пришедший с женой к психотерапевту, производил приятное впечатление, он казался обаятельным и выражал готовность оказать помощь. Он говорил, что пришел на семейную терапию потому, что этого захотела его жена. Заботливый супруг мог добавить, что устал смотреть на жену, находящуюся в состоянии глубокой депрессии, поэтому хочет только одного: чтобы жена была счастлива; он пришел вместе с ней в надежде, что его приход к терапевту ей хоть чем-то поможет. Таких мужчин мы называли героями.

Когда я думаю об этой типичной для 80-х годов прошлого века паре, мне вспоминается средневековая история, о которой я узнала десять лет назад: легенда о сэре Гавейне и леди Рагнелль. Я нашла ее в одной старой книге и как истинный юнгианский аналитик решила: пусть эта история меня научит. В книге «Ведьмы и герои: феминистский подход к юнгианской психоте-

рапии с семейными парами» я действительно обобщила все то, чему научила меня эта история. Разумеется, что-то я добавила: кое-что взяла из теории межличностного общения Салливена, что-то почерпнула в теории феминизма, в психодраме и теории объектных отношений, а также в концепции Юнга о психологических комплексах.

С тех пор как была опубликована книга «Ведьмы и герои», я написала еще две книги, касающиеся терапии семейных пар. В последней книге снова была использована история о сэре Гавейне и леди Рагнель; на этот раз мне хотелось продемонстрировать, насколько важны для счастья женщины ее автономия и личностный суверенитет. В обеих книгах я конкретизировала и раскрывала идеи, которые были сформулированы в первой моей работе «Ведьмы и герои», и особое внимание уделялось проблемам, связанным с тем, что женщины не стесняются заявлять о своей силе и желаниях, и тогда негативное отношение к ним неизбежно возрастает в связи с авторитетом и властью, которыми они обладают. С тех пор мною были написаны другие книги – о буддизме, человеческих страданиях, способности к быстрому самовосстановлению, но, тем не менее, я постоянно возвращалась к особой дилемме, с которой сталкиваются женщины, становясь самими собой в отношениях со своими детьми и партнерами.

Мне думается, что те предположения и выводы, к которым я пришла в книге «Ведьмы и герои», выдержали проверку временем. Я все так же уверена в том, что все мы должны принимать друг друга с учетом своей силы и своей слабости и что никого не следует называть сильным или слабым полом – ни женщин, ни мужчин. Я по-прежнему уверена, что мужчины и дети с трудом выдерживают проявление эмоций, выплескиваемых женщинами в своей семье, и что женщине намного сложнее утвердить свой авторитет, чем мужчине: и в семье, и на работе. Поэтому в любой социальной сфере существует огромное количество проекций, присущих «плохой» матери (ведьма, мегера, стерва, карга), а значит, имеется необходимость узнавать в них эмоционально заряженную фантазию и миф и не путать их с представлениями о реальной женщине.

После издания этой книги мой муж Эд Эпстайн и я начали обучение и супервизию терапии семейных пар, используя метод, известный под названием «диалоговая терапия». По существу этот вид терапии описан в книге, но основное внимание уделяется использованию переказа наряду с дублированием и другими психодраматическими методами. В следующей книге, написанной 10 лет спустя после выхода в свет моей первой книги «Ведьмы и герои», я рассказала о применении этого метода к четырем супружеским парам, которые, пройдя курс диалоговой терапии, изменили свое отношение к родительским обязанностям, сексу, деньгам, свободному времени; а самое главное, партнеры изменили свой взгляд друг на друга.

В течение многих лет обучения, супервизии и проведения диалоговой терапии я значительно продвинулась в своем развитии как психолог, психотерапевт и специалист в области бессознательной динамики отношений. Я бы даже сказала, что моему развитию способствовали именно занятия диалоговой терапией. Работая в этой области вместе с моим мужем, а затем и с другими терапевтами, я много раз наблюдала, как происходит трансформация взаимоотношений партнеров и соответствующий переход: от крушения иллюзий и обычного бессознательного конфликта в борьбе за власть – к близости, сознательному конфликту и проведению переговоров, свидетельствующих о зрелой зависимости. Используя в процессе работы с семейными парами эту ограниченную по времени форму терапии, мы можем наблюдать, как отношения, связанные с мучительными страданиями, которые вызваны постоянной проективной идентификацией с болезненным бессознательным материалом, подавляющим и сковывающим семейную пару, стремительно превращаются в открытое межличностное взаимодействие, когда каждый из партнеров ощущает себя личностью, свободной от проекций. Проведение диалоговой терапии доставляет глубокое удовлетворение и может служить превосходной иллюстрацией работы с эмоционально заряженными бессознательными темами.

Изменения в отношениях супружеской пары, пришедшей на диалоговую терапию, происходят в течение нескольких лет. Женщина все еще испытывает гнев, но уже меньше идентифицирует себя с ведьмой или стервой. Теперь она чувствует, что имеет право на гнев, но вместе с тем ощущает себя более беспомощной и отчаявшейся, потому что разрывается между желанием иметь свой собственный голос и боязнью почувствовать себя виноватой после того, как она выскажет свое мнение. Мужчина чувствует себя более растерянным и менее героическим, чем обычно. Теперь он приходит на терапию не для того, чтобы сделать жену счастливой, а потому, что считает, что он «всегда что-то делает не так» и не может «угодить своей жене», хотя при этом пытается сделать все, что от него зависит, чтобы наладить с ней отношения. Следовательно, основная негативная проекция, возникающая у женщины, – это представления о своем партнере как о «маленьком мальчике», который не может или не хочет вырасти. А мужчина, в свою очередь, видит в своей жене «критика», который часто бывает прав.

Семейная пара такого типа развивается посредством дифференциаций и интеграций своих проекций, как, например, Луиза и Ларри в книге «Ведьмы и герои».

Мне очень приятно, что эта книга переведена на русский язык, и я надеюсь, что ее содержание во многом созвучно борьбе, которая происходит в наше время в российских семейных парах. Я была бы рада услышать от российских коллег об опыте их применения моих идей и методов с целью улучшения отношений между мужчиной и женщиной.

По моему мнению, психотерапия семейных пар дает неоценимый опыт нам, терапевтам, так как мы проникаем в сущность наших собственных отношений и наших жизней намного быстрее, чем при работе с индивидуальными клиентами. Работая с парами, мы наблюдаем динамику их взаимоотношений со стороны; работая с индивидуальными клиентами, мы создаем поле отношений и наблюдаем его изнутри. В таком случае я могу надеяться на то, что, прочитав эту книгу, вы получите новые инсайты в отношении вашей личности, ваших отношений, вашего понимания вопросов пола и вашей работы с семейными парами, обусловленной характерными для России XXI в. новыми веяниями.

*Полли Янг-Айзендрат, доктор философии.
Уочестер, Вермонт. Октябрь, 2004*

Глава 1. Использование фольклора в психотерапии

Когда речь идет о достижении человеком окончательной свободы, чтобы посвятить себя тому... что... он считает смыслом своей жизни... эта свобода станет достижимой лишь тогда, когда у человека сформируется умение любить, predeterminedное... и его биологией, и его культурой.

– Гарри Стэк Салливан¹

Контекст этой книги создает легенда, повествующая о силе и слабости, о борьбе и героизме. Это одна из наиболее известных историй о рыцарях Круглого Стола, но она не имеет отношения ни к войнам, ни к сражениям, ни к битвам с драконами. Это романтическая история о леди Рагнель и сэре Гавейне, и хотя в ней есть место и вызову, и противоборству, в ней нет ни слова о смерти или соперничестве. Это героическая эпопея, правда, из тех, которые были более известны в средние века, чем в наше время. Это повествование о страхе, риске и опасностях, свойственных отношениям между людьми, особенно между людьми разного пола. Уважение к чужой независимости как к своей собственной, внимание к потребностям тех, кто с нами рядом, – вот главный урок, который мы должны усвоить.

В этой легенде отражена особая проблема человеческой жизни – проблема базового доверия в близких отношениях между двумя взрослыми людьми: мужчиной и женщиной. Эта поучительная история достигает своей цели, увлекая нас так же, как она увлекала слушателей в XV в. благодаря присущему ей юмору и изяществу образов.

Как юнгианский психотерапевт, я стала использовать легенды и народные сказания так же, как в самые разные исторические эпохи их использовали люди, принадлежавшие и к самой примитивной, и к самой изысканной культуре. В народных преданиях скрыта глубинная мудрость, и люди, читая и пересказывая их, постигают сущность человеческих отношений и передают из поколения в поколение опыт мирного сосуществования людей. Я использую легенды и сказки с той же целью. Эти истории помогают мне почувствовать то, что не удастся постичь разумом. Слушая рассказ человека о своей личной жизни на психотерапевтическом сеансе или на сеансе психоанализа, я стараюсь найти место этому рассказу в контексте других понравившихся мне универсальных повествований. Слово карты с очертаниями типичной человеческой судьбы, эти истории указывают нам путь прохождения через кризисы и переходные периоды обычного человеческого жизненного цикла. Рождение, детские привязанности, переход от юношества к взрослости, взрослые привязанности и переживание потерь в преклонном возрасте – все эти периоды являются критическими в развитии человеческой личности. Во время перехода на качественно новый уровень происходит дезинтеграция и реинтеграция личности. Для продолжения своего развития человеку необходимо пересматривать свое отношение к смыслу жизни, свои эмпатии и мотивации. Основные задачи, названные Куном при описании структуры научной революции «изменение парадигмы», традиционно считались и сложными, и опасными². Люди должны зависеть друг от друга и от своего социального окружения, чтобы свободно и осмысленно переходить от одного этапа развития к другому. Сказания и легенды – это путеводные карты, доставшиеся нам в наследство от других эпох и сообществ; они могли бы сделать процесс перехода на новый уровень развития менее болезненным для индивида. Но в современном обществе мудрость веков остается невостребованной: мы уже не

¹ Helen Swick Perry, *Psychiatrist of America: The Life of Harry Stack Sullivan*, p. 334.

² Thomas S. Kuhn, *The Structure of Scientific Revolutions*.

видим необходимости в основанных на здравом смысле наставлениях, которые можно почерпнуть в народных преданиях и легендах.

Мы используем с моим котерапевтом разные варианты истории о сэре Гавейне и леди Рагнель, найденные в английских литературных источниках XV–XVI вв., чтобы определить проблему и помочь в ее решении тем семейным парам, у которых нарушены межличностные отношения: взаимная привязанность и базовое доверие. Обычно такая проблема возникает в среднем возрасте, как правило, после тридцати пяти лет, или в ином возрасте, но на той же стадии личностного развития. Когда в отношениях взрослых людей возникает кризис, связанный с утратой близости и взаимной привязанности, они испытывают чувство отчаяния, поражения, обиды, тоски и горечи (ощущение холодной неутрахающей боли). Каждый из супругов говорит о внутреннем одиночестве, которое он испытывает; каждый чувствует, что связан отношениями, которые вряд ли будут его удовлетворять, зато потребуют ответственности и выполнения определенных обязательств. Оба партнера пытаются справиться со своей неудовлетворенностью, так или иначе отправляясь «пожить в дремучий лес». Например, женщина может подолгу не разговаривать с мужем и детьми, а мужчина находит другую женщину «на стороне» и полностью отказывается от роли мужа и отца семейства. Супруги живут в привычном для обоих конфликтном стиле отношений, и оба считают себя связанными взаимными обещаниями, которые были даны при вступлении в брак, но теперь противоречат обоюдному желанию разойтись.

Анализируя историю о сэре Гавейне и леди Рагнель, мы увидим, как женщина реагирует на утрату базового доверия. Д. Винникотт определяет базовое доверие и как «непрерывность бытия», и как уверенность в том, что другой человек полностью удовлетворяет его или ее основные эмоциональные потребности в сфере межличностных отношений³. В данном случае понятие базового доверия является синонимом привязанности и в первую очередь связано с введенными Д. Боулби⁴ понятиями привязанности и потери в человеческих отношениях.

Привязанность ребенка к родителю – это поле первичных межличностных отношений, в которых архетипы Великой Матери и Ужасной Матери актуализированы в обычных человеческих отношениях. В следующей главе я поясню, в каком ключе используются мною юнгианские понятия «архетип» и «комплекс». Пока же, для того чтобы рассмотреть понятие базового доверия, нам вполне достаточно образов Великой и Ужасной Матери, богини-прорицательницы и страшной ведьмы: они помогут нам увидеть характерные черты привязанности, исследованием которой мы займемся. В частности, если женщина, у которой сформировано базовое доверие, постоянно ощущает поддержку или внимание со стороны мужчины, она воспринимает себя как значимую личность. Мы ощущаем себя личностью как представители человеческого рода, когда являемся творцами собственной жизни и приносим пользу другим людям, когда добиваемся успеха и получаем общественное признание. Мы чувствуем себя достойными членами человеческого общества, если ответная реакция наших партнеров подтверждает наше ощущение собственной компетентности, значимости и ценности.

Образ Великой Матери как властительницы и кормилицы является источником позитивного эмоционального знания человека о том, что его любовь является «доброй». В межличностных отношениях это знание дает человеку уверенность в том, что его любит, поддерживает и о нем заботится другой человек, – то есть позитивное самоощущение. Все мы нуждаемся в Великой Матери, чтобы чувствовать, что наша забота является щедрой и доброй. Образ Ужасной Матери как свирепой богини или ведьмы – это источник негативного чувства, эмоционально переполняющего человека, который узнает, что его любовь порочна, и чувствует себя

³ Более полно с концепцией Винникотта «непрерывности бытия» можно ознакомиться в книге: Mary Davis and David Wallbridge, *Boundary and Space: An Introduction to the Work of D.W. Winnicott*.

⁴ John Bowlby, *Attachment and Loss*, vol. 1.

злым, отталкивающим, подавляющим и разрушающим. И негативная, и позитивная привязанности дают силу и власть; обе необходимы в отношениях, но ни одна из них не должна доминировать в личностной идентичности. Как и другие архетипические состояния, Великая Мать и Ужасная Мать являются переходными переживаниями идентичности, которые более «всеобъемлющи», чем конкретная личность.

История о сэре Гавейне и леди Рагнель дает общее, но вместе с тем ясное и конструктивное описание проблемы идентификации с ведьмой, или Ужасной Матерью. Ведьма, мегера или стерва в современных межличностных отношениях семейной пары – хорошо известный в психотерапевтической литературе образ доминирующей, властной и подавляющей матери, которая стремится контролировать семейную жизнь любой ценой, не считаясь с мнением других членов семьи. Анализируя легенду, мы научимся уважать ведьму и принимать ее противоречивость. Мы узнаем, что в случае утраты базового доверия, когда все рациональные способы решения проблемы потерпели неудачу и оба партнера испытывают внутреннее одиночество и отчужденность, мы должны прислушаться к ведьме. Только она знает ответ, дающий возможность восстановить доверительные отношения.

Наша легенда – это дар, суть которого невозможно объяснить рационально. Люди, которые прежде читали такие сказания только ради удовольствия, будут удивлены, узнав, что подобную историю можно использовать для серьезной психотерапевтической работы – изучения отношений в семейных парах, – и реального объяснения многих явлений современной жизни, и это с учетом, что родилась легенда не менее 500 лет назад. Возможно, что это брачный контракт, созданный в его настоящем виде еще в средние века, привязывает нас к давно прошедшим временам. Возможно и то, что эта история несет свой смысловой заряд на таком фундаментальном общечеловеческом уровне, что легенда преодолевает все временные и культурные границы, сохранив свою актуальность вплоть до наших дней. И, как настоящий дар, эта старинная легенда становится своеобразным увеличительным стеклом и дает нам возможность рассмотреть явление, которое юнгианцы называют обесцениванием фемининности.

Перед тем как мы вернемся к сэру Гавейну и леди Рагнель, я рассмотрю некоторые юнгианские и феминистские концепции и понятия, которые помогут создать необходимый контекст для моего прочтения и интерпретации этой истории.

Значение архетипической фемининности

В соответствии с поставленными перед нами целями обозначим *архетипическую фемининность* как область человеческих отношений и проявления заботы. Это сфера сохранения естественной для человека жизни в социальной группе. Иными словами, архетипическая фемининность связана с присоединением, сопричастностью и привязанностью к людям, идеям и событиям. Напротив, *архетипической маскулинности* свойственно обособление и отделение. Маскулинность характеризуется стремлением к разрыву связей, обособлению и направленной на выживание агрессивностью по отношению к природе и людям. Маскулинности свойственно разделение и размежевание, ведение войны и установление границ, а также склонность к анализу людей, событий или идей, в противовес чувству единения с ними. Высказывание антрополога Пегги Сэнди, которая исследовала различия в проявлении властности в зависимости от пола на материале более 150 племен и современных сообществ, позволяет лучше понять эти различия, их зависимость от человеческих отношений и культуры:

Поражает, в какой степени представители обоого пола соответствуют базовой природной симметрии, основанной на первичных половых различиях. Женщины рожают и растят детей; мужчины изготавливают оружие и убивают. Они демонстрируют результаты совершенных ими убийств (убитых животных, человеческие головы или скальпы), испытывая ту же гордость, с какой женщины держат на руках новорожденного младенца. Если жизнь и смерть входят в необходимые условия бытия, то мужчины и женщины вносят равный вклад (но совершенно разными способами) в непрерывность бытия, а следовательно, и непрерывность культуры⁵.

Так как до сих пор не существует ответа на серьезный антропологический вопрос, насколько архетипические темы «первичных половых различий» действительно соответствуют половым доминантам (т. е. фемининности женщин и маскулинности мужчин), я не считаю, что женщины и мужчины воплощают эти архетипические области в своей гендерной идентичности. Точнее, я пришла к выводу, что и фемининность, и маскулинность потенциально доступны каждому полу как в плане идентичности, так и в сфере поведения.

Наша легенда помогает понять, что происходит с близкими отношениями при обесценивании обычных повседневных дел, связанных с проявлением внимания и заботы: ведением домашнего хозяйства, воспитанием детей, поддержанием эмоционального контакта, сглаживанием конфликтов, обид и восстановлением уязвленного самолюбия. Женщинам и мужчинам, сознательно или бессознательно обесценивающим эту деятельность, свойственны привычные типы отношений, которые в юнгианской психологии связаны с понятием *негативного материнского комплекса*. Этот комплекс характеризуется наличием поведенческих стереотипов, идей, образов и чувств, связанных с избеганием близости, нежеланием проявлять заботу и получать знаки внимания от других людей. Таким образом, негативный материнский комплекс связан с идеей обесценивания или исключения фемининности из идентичности и поведения того или иного человека.

В современном обществе мужчины склонны обесценивать как собственную внутреннюю фемининность, так и фемининность в женщинах. Многие черты фемининности считаются проявлением слабости с точки зрения традиционной мужской гендерной идентичности. Поэтому мужчины борются за исключение всякого сходства с женщинами, а также с необходимостью проявлять заботу и внимание, чтобы сохранить особую мужскую идентичность. Социо-

⁵ Peggy Sanday, *Female Power and Male Dominance: On the Origins of Sexual Inequality*, p. 5.

лог Нэнси Ходороу отмечает, что следствием обесценивания фемининности стало характерное для нашей культуры воспитание детей, осуществляемое исключительно женщинами:

Выполнение естественной материнской роли влияет и на развитие маскулинных и фемининных черт личности, и на относительный статус каждого пола... Пока женщинам приходится жить жизнью своих детей, а мужчины не вносят настоящего вклада в социализацию и не создают приемлемые ролевые модели, женщины будут продолжать воспитывать сыновей, идентичность которых связана с обесцениванием как внутренней, так и внешней фемининности⁶.

Так как именно женщины в основном занимаются воспитанием детей дошкольного возраста, голос женского авторитета приобретает властные тона. Мужчины отличаются от женщин не просто своей объективностью и рационализмом; они часто испытывают страх, который Карен Хорни назвала «смертельным страхом перед женщиной», и чувствуют, что должны бороться с фемининностью (и внешней, и внутренней), чтобы ощутить хоть какую-то силу своей мужской идентичности.

С другой стороны, женщинам приходится соединять в себе как обесцененные, «второстепенные» аспекты фемининности, так и проецируемые на них властные черты женского авторитета. Женщина чувствует себя одновременно слишком слабой и слишком сильной в проявлении материнской заботы и материнской власти. Когда базовое доверие остается низким, а обесценивание фемининности – высоким, женщина склонна полностью идентифицировать себя с негативной, «второсортной» и могущественной Ведьмой, мегерой или Ужасной Матерью.

Маскулинной гендерной идентичности в западном обществе присущи следующие признаки обособленности: мужчины стремятся быть рациональными, независимыми, объективными и принципиальными. Когда мы, женщины, критикуем мужчин, то называем их слишком отстраненными; мы считаем их отчужденными, холодными, бесчувственными и чересчур серьезными. Как правило, мужчина работает далеко от дома и семьи, следовательно, его профессиональная деятельность остается недоступной для восприятия женщины, ее внутреннего мира и эмоциональной сферы. Мужчин редко называют очень заботливыми, уступчивыми или галантными. Слова, означающие проявление женского внимания и материнской заботы, редко относятся к мужской идентичности, даже когда мы критикуем мужчин.

Мужчины исключают фемининность из своей идентичности гораздо активнее и энергичнее, чем женщины – маскулинность. На самом деле женщины могут и вполне готовы принять некоторые аспекты маскулинности, начиная с внешнего вида (ношение брюк и галстуков) и кончая мужскими функциями, такими, например, как выполнение отцовских обязанностей по отношению к своим детям или принятие на себя обязанностей главы семьи. Мужчины не готовы в той же степени принять некоторые аспекты фемининности: они не могут носить платья, юбки или женские украшения, не ощущая своей экстраординарности (даже в относительно свободных от предубеждений социальных группах). Мужчины крайне неохотно используют свой интеллект для решения сложных задач, связанных с домашним хозяйством, например, для поддержания чистоты в доме или ведения здорового образа жизни. В отличие от женщин, которые способны интегрировать свою внутреннюю маскулинность и успешно делают это, мужчины в западном обществе не готовы интегрировать фемининность.

Мужское доминирование в принятии решений и преобладание мужчин на руководящих должностях еще больше способствуют исключению фемининности из мужской гендерной идентичности. Пока мужчины доминируют в сфере социальных отношений (начиная с

⁶ Nancy Chodorow, "Being and Doing: A Cross-cultural Examination of the Socialization of Males and Females", in V. Gornick and B.K. Moran, eds., *Woman in Sexist Society: Studies in Powerlessness*, pp. 290–291.

семьи и кончая крупными социальными институтами) и стремятся исключить из этой сферы и женщин, и фемининность, они будут связывать свою идентичность с «высшими» и приоритетными качествами маскулинности. Пока в нашем обществе возможности женщины ограничиваются проявлением заботы, эмоциональным участием и сферой общения и не поощряются высокими постами, возможностью влиять на принятие решений или материально (например, в денежном выражении), люди не смогут свободным образом сформировать свою истинную идентичность. В настоящее время и мальчики, и девочки ориентируются на «высшие» качества и виды деятельности, которые присущи маскулинности: объективность, рассудительность, властность, способность анализировать и силу. Чтобы подтвердить свою принадлежность к женскому полу, девочкам приходится быть чувствительными, зависимыми и эмоциональными. Часто принятие «второсортной» фемининности является причиной серьезных психологических расстройств, и, прежде всего, снижения самооценки, так как женские черты и качества в западном обществе ассоциируются со слабостью.

Современные мужчины и женщины преисполнены святой веры в разумную, прославленную объективность и в осененную ею науку. Поэтому многие проблемы и опасности, грозящие современной культуре, могут быть поняты в свете идеала мужской гендерной идентичности и соответствующего обесценивания фемининности. Свидетельством тому является наша эмоциональная сдержанность и агрессия по отношению к чужим людям; мы стесняемся открыто проявлять боль и печаль, зато совершенно свободны в выражении агрессии и собственного превосходства. Популярны мужские кинозвезды – от Джеймса Бонда до Вуди Аллена – занимают отстраненным самонаблюдением и всегда могут рационально объяснить свои действия, даже если такое объяснение – лишь невротическая рационализация. Мы имеем всего несколько (если имеем вообще) приемлемых ролевых моделей для мужчин, выполняющих функции жены или матери. Более того, мы редко спрашиваем себя: «Почему?», – а просто принимаем как должное, что только женщина может играть и мужские, и женские роли. Так как все наше общество привыкло доверять только научно обоснованным, лишенным эмоций фактам, мы не воспринимаем ту информацию, которая заложена в произведениях культуры и которую пытаются донести до нас голоса, исходящие от земли и живой природы. Наша связь с космосом опосредована фактами об «энергиях», «дырах» и «больших взрывах». Хотя эти понятия и названия могут звучать мифически, они не воспринимаются как исполненные таинства мифы, которые действительно могут указывать путь человечеству.

Наши мужчины, выполняющие функции партнера и отца семейства, в большинстве своем делают это неохотно и с трудом, не отвечая эмоциональным потребностям женщин и детей, которые находятся рядом с ними. Проводя терапию семейных пар, мы пришли к выводу, что мужчины вообще не способны слушать, понимать или сочувственно воспринимать эмоционально окрашенную информацию. Вместо этого они пускаются в пространные рассуждения или находят множество аргументов в свою защиту, соглашаясь понимать лишь рациональные, строго сформулированные сообщения о том, «что случилось» или «что нужно сделать».

Теперь мы готовы обратиться к истории о сэре Гавейне и леди Рагнель, в основе которой лежит вопрос: «Чего действительно хочет женщина?» Этот вопрос в большей степени, чем любой другой, направляет нас при проведении терапии семейных пар, утративших в своих отношениях базовую привязанность и доверие. Более того, этот вопрос ведет нас к освобождению и переоценке как внутренней, так и внешней фемининности и в нашей жизни, и в жизни всех мужчин и женщин, ибо направляет нас в самое сердце нашей человечности и фокусирует наше внимание на доверительных отношениях. Наши неудачи в создании семьи (которую не следует воспринимать как идеальную ядерную семью), наше небрежное отношение к человеческим и природным ресурсам, наше неверие в возможность сотрудничества с людьми из других сообществ и наши завышенные требования, предъявляемые к близким людям и партнерам, – все это вместе взятое обесценивает проявления нашей обыкновенной заботы. Даже

мощная оборонительная система на основе ядерного оружия (по иронии судьбы тип оружия имеет такое же название, как наша базовая семейная система) – это отдельная часть маскулинного способа обособления и отсутствие связи со своим собственным и с чужими Я. Но перспектива ядерного холокоста не считается «мужской проблемой», точно так же, как кухня и дети не являются «работой для женщины». Реальная возможность «холодной войны» в семье, доминирование мужчин в принятии решений и наши повседневные заботы имеют отношение ко всем нам. И всякий раз, когда наша базовая привязанность к другому человеку «изнашивается» и становится чрезвычайно слабой, давайте остановимся и посмотрим, о чем нам может поведать старая легенда⁷.

⁷ Есть несколько версий легенды о Сэре Гавейне и Леди Рагнель, самой известной из которых является история *Wife of Bath* in Chaucer's *Canterbury Tales*, записанная около 1478 г. Эта версия несколько отличается от, вероятно, оригинальной народной баллады Средней Англии *The Weddyng of Sir Gawen and Dame Ragnell*, записанной около 1450 г. и сохраненной в рукописи, датированной началом XVI в. Эта же история с некоторыми изменениями рассказывалась как баллада *The Marriage of Sir Gawain*, сохранившаяся в рукописи Перси Бишопы, датированной серединой XVII в. Еще одна версия существует в сборнике Gower's *Confessio amantis* под названием «Tale of Florint». Используемая мной версия частично основана на моей работе с семейными парами, но в основном взята из сборника, изданного Ethel Johnson Phelps под названием *The Maid of the North and Other Folktale Heroines* (полностью она приведена в Приложении 1). Одно существенное различие между версией Фелпса и оригинальной версией (которую можно найти в сборнике Donald Sands, ed., *Middle English Verse Romances*) – это высказывание Рагнель, что Гавейн должен захотеть взять ее замуж. В средневековой балладе Рагнель просто спрашивает, возьмет ли Гавейн ее замуж, чтобы спасти Артура. Она не упоминает о том, что выбор остается за Гавейном. Это единственное существенное различие между двумя версиями, имеющее отношение к данной мной интерпретации.

Сэр Гавейн и леди Рагнель: чего действительно хочет женщина?

Однажды король Артур отправился на охоту в северные края, в Инглвудский лес, где он долго гнал белого оленя и в конце концов поразил его стрелой. Только Артур собрался добить раненое животное, как вдруг из чащи появился страшный человек, похожий на лесное чудище. Он представился как сэр Громер Сомер Жур и пригрозил немедленно зарубить короля своим топором. Потрясенный Артур ответил, что у него нет оружия для поединка, и тогда сэр Громер загадал ему загадку и дал ровно 12 месяцев, по истечении которых король должен был либо дать ответ, либо вернуться обратно в лес и принять смерть. Растерянный и ошеломленный, Артур отправился домой.

Когда он вернулся в замок, только сэр Гавейн, единственный из всех рыцарей Круглого Стола, смог выпытать у короля, что же произошло в лесу. Артур неохотно описал подробности этой ужасной встречи, а потом поведал о том недоумении, в которое повергла его загадка сэра Громера. Громер велел королю Артуру дать правильный ответ на вопрос: «Чего больше всего на свете желает любая женщина?»

Поскольку и Гавейну, и Артуру вопрос показался весьма нелогичным, они предположили, что в нем скрыт какой-то подвох. Но Гавейн был настроен оптимистично и сказал: «В конце концов, у нас есть еще целый год, чтобы задать этот вопрос всем жителям королевства. Один из ответов обязательно окажется верным». Однако у короля такой уверенности не было.

В течение целого года Артур и его рыцари собирали всевозможные ответы, опрашивая всех без исключения подданных. Когда, наконец, они снова собрались в замке и сравнили записи, у Гавейна появилась уверенность, что один из ответов наверняка будет правильным. Артур, однако, очень сомневался в том, что на такой каверзный вопрос можно найти верный ответ. Когда до окончания назначенного срока оставалось всего несколько дней, король снова оказался в Инглвудском лесу, неподалеку от того места, где год назад он подстрелил оленя.

Неожиданно из чащи леса вышла жуткая старуха и представилась: «Я леди Рагнель». Она с вызовом заявила Артуру, что *знает* о том, что у короля нет правильного ответа на загадку. Артур удивился фамильярности старой карги: он не мог понять, откуда она узнала о том, что с ним случилось. «Женская дерзость!» – это было все, что пришло ему в голову. Настойчивость мерзкой старухи повергла короля в изумление. Леди Рагнель уверяла, что только *она* может дать правильный ответ, так как является сводной сестрой сэра Громера и знает то, чего Артур знать не может.

Король Артур и сам не был убежден в правильности собранных им ответов, поэтому пообещал ведьме лучшие земли королевства, золото и драгоценные камни в обмен на верный ответ. Но Рагнель отказалась от этого богатства: «На что мне золото и драгоценные камни? Но если твой племянник Гавейн согласится взять меня замуж, я дам тебе правильный ответ. Таково мое условие». Артур сказал, что не в его власти распоряжаться судьбой племянника. Гавейн – свободный человек, а потому поступает, как хочет. Рагнель ответила, что она не требует, чтобы Артур отдал ей племянника; она хочет лишь предложить Гавейну такую сделку и посмотреть, как тот поступит.

Король заявил, что не может позволить племяннику стать заложником этой тяжелой ситуации, но, вернувшись в замок, все рассказал Гавейну. Видя растерянность своего дяди, Гавейн пожалел его и поклялся, что женится даже на самом дьяволе, чтобы спасти жизнь короля. Они вместе отправились в лес к Рагнели, и Гавейн дал согласие жениться на старухе, если ее ответ спасет королю жизнь.

В назначенный день Артур и Гавейн молча выехали из ворот замка и отправились на встречу с жутким сэром Громером. Сверкая глазами и держа в руке топор, Громер слушал, как

Артур читал один за другим все собранные им ответы. Ни один из них не был правильным, и Громер уже был готов опустить свой топор на голову короля, как вдруг Артур выпалил ответ, подсказанный ему Рагнелью: «Каждая женщина больше всего на свете хочет иметь независимость – полное право распоряжаться своей жизнью!»

Услышав это, Громер удалился обратно в лес, изрыгая злобную брань в адрес своей сестры. Он знал, что сам Артур никогда бы не нашел правильного ответа.

Артур и Гавейн возвращались домой в глубоком молчании. И только леди Рагнель была в хорошем настроении. Вечером в замке состоялся брачный пир, на котором присутствовали все рыцари и дамы королевства. Все они чувствовали неловкость и смущение и потихоньку отпустили колкости в адрес безобразной невесты. Но Рагнель была невозмутима: она ела с большим аппетитом, веселилась от души и явно получала удовольствие от всего происходящего.

Позже, в покоях для новобрачных, Рагнель сказала Гавейну: «Твое отношение ко мне достойно похвалы – я не чувствую ни неприязни, ни жалости. Теперь подойди и поцелуй меня».

Сэр Гавейн подошел к ней и поцеловал мерзкую ведьму прямо в губы – и надо же! Пред ним предстала очаровательная молодая женщина с прекрасными серыми глазами. Она улыбнулась и спросила: «Ты предпочитаешь, чтобы я оставалась такой, как сейчас, в своем настоящем облике, или приняла прежнее обличье?» – «Конечно, в настоящем облике... Я имею в виду... Какая ты красавица!» – запинаясь, вымолвил Гавейн. Но затем он воскликнул сердито: «Это что еще за колдовство? Что здесь происходит?»

Леди Рагнель объяснила, что была заколдована братом за смелость и непослушание. Проклятие заключалось в том, что Рагнель должна была пребывать в облике безобразной ведьмы, пока величайший рыцарь Британии не согласится добровольно на ней жениться. Артур отправился охотиться в Инглвудский лес, подаренный им Гавейну, но прежде по праву принадлежавший сэру Громеру, и эта ошибка короля стала для леди Рагнель первой возможностью снять с себя страшное проклятие.

Вне себя от радости, Гавейн бросился к молодой жене, восклицая: «У тебя это получилось! Ты освободилась от проклятия своего злого брата, и теперь ты – моя возлюбленная супруга!»

«Подожди! – перебила его Рагнель, – я должна тебе сказать, что снята только часть проклятия. Мой друг, ты должен сделать выбор. Я могу быть такой, как сейчас, в течение дня, а по ночам в наших брачных покоях ты будешь видеть мое прежнее уродливое лицо. Или же ночью, в супружеской постели, я буду прекрасной дамой, а днем опять стану отвратительной ведьмой. Ты не можешь сделать так, чтобы я всегда была одной и той же. Хорошо подумай, прежде чем сделать выбор».

Гавейн застыл, обдумывая смысл сказанного, но его молчание длилось лишь одно мгновение. «Это твой выбор, Рагнель, так как он связан с твоей жизнью. Только ты можешь это решить» – таков был ответ сэра Гавейна.

Услышав его, Рагнель засияла от радости. «Мой дорогой, – сказала она, – ты ответил правильно, и теперь проклятие снято полностью. Последнее условие заключалось в том, что, если я стану женой величайшего рыцаря Британии и он без колебаний предоставит мне право распоряжаться моей жизнью, прежний облик окончательно вернется ко мне. Теперь я свободна и могу быть красивой и днем, и ночью».

Так началась супружеская жизнь сэра Гавейна и леди Рагнель.

Испытание изменением

Некоторые из самых интересных и поучительных тем этой очаровательной истории не очень понятны современной аудитории. Например, людям, жившим в XV в., был хорошо знаком образ ведьмы, если говорить об ее специфической психологии. Ведьма – отвратительная женщина: властная, злая и навязчивая. Она обладает магической силой и уносит по ночам в заоблачные выси мужчин или детей, чтобы утром оставить их совершенно измученными или даже мертвыми. Обычно она безобразно толстая – поперек себя шире, покрыта бородавками и другими отвратительными наростами, на голове носит старый чудной чепец, похожий на потертую растрепанную циновку, который иногда называют «зелеными волосами из сорняков». Внешность ведьмы и ее действия не столь страшны, как ее магическая сила (иногда ведьма может выглядеть даже смешной и нелепой). Но она способна высасывать душу из людей, которые целуют ее в губы, а если человек смотрит ей прямо в глаза, то рискует лишиться собственной воли. Зная эти черты и качества ведьмы, мы можем по достоинству оценить героизм Гавейна, который, недолго думая, обнял и поцеловал леди Рагнель. Если бы она была настоящей ведьмой, ее поцелуй мог бы убить храброго рыцаря. Наконец, ведьма никогда не плачет по-настоящему, проливая слезы. Она только притворяется плачущей и потому выражает свое страдание посредством зловещего хихиканья, насмешек и презрения. Понятно, что никто не может обнять ведьму, если не имеет достаточного мужества, – спасая жизнь своего дяди, Гавейн проявил настоящий героизм.

В средние века Гавейн и Артур были популярными персонажами многочисленных народных сказаний и баллад. Так же, как нашим современникам хорошо известны Джеймс Бонд или Вуди Аллен, выдающиеся представители современной англо-американской культуры, так же и людям, жившим в XV в., были хорошо известны король Артур и сэр Гавейн. Артур – рациональный герой: сильный, гордый, хотя иногда слишком консервативный. В этой истории, как и в некоторых других балладах, король Артур изображен стареющим или даже дряхлым и слегка чудаковатым. Ему предназначена комическая роль старого патриарха, который все время остается в тени, вдохновляя молодых рыцарей «отправиться на поле брани». Король заботится о своем племяннике Гавейне и часто говорит о том, что по чистоте помыслов и добродетелей Гавейн превзошел его самого.

Будучи собирательным образом, Гавейн является выразителем куртуазных идеалов средневекового рыцарства. Например, в знаменитом поединке с Зеленым Рыцарем Гавейн проявляет смелость и отвагу, трепетное отношение к чувствам женщин, верность и постоянство в своей преданности. Лишь изредка он проявляет некоторую слабость и уязвимость, сначала пытаясь уклониться от поединка с Зеленым Рыцарем, а потом принимая соблазнительные «дары» от его жены. Мужской куртуазной любви присуще особое сочетание эмоциональной уязвимости и рыцарского мужества. Как в средние века, так и в более поздние периоды развития английской культуры отношения между мужчиной и женщиной приветствовались и церковью, и светским обществом, и назывались «сердцем человеческой культуры»⁸. Гавейн – это типичный средневековый герой; он, возможно, ближе к Вуди Аллену, чем к Джеймсу Бонду, но во многом отличается от подавляющего большинства современных рациональных мужских персонажей. Гавейн может полностью отдаться своим эмоциям, он способен сочувствовать страданиям женщины и с готовностью откликается на любую просьбу прекрасной дамы. Современным популярным персонажем, которому присущи некоторые черты характера сэра Гавейна, является Зорба, главный герой произведения Казанцакиса «Грек Зорба». Гавейн не столь энергичен и любвеобилен, как Зорба, но и восприимчив к переживаниям женщин,

⁸ C.S. Lewis, *The Allegory of Love*.

несмотря на свой прагматизм и рациональные идеалы. Как правило, Гавейн появляется, чтобы проверить свою рыцарскую отвагу в поединке, что ведет его либо к блистательной победе, либо к небольшому поражению, как это случилось при встрече с Зеленым Рыцарем.

Интерпретируя образы Артура и Гавейна с позиций юнгианского психолога, я полагала, что их объединяет героическое устремление, и такой душевный настрой героев сохраняется вплоть до самого конца истории, когда проклятие, наконец, снято. Гавейн как сознательный персонаж (т. е. действующий по своей собственной воле) воплощает открытость, мужество и стремление идти вперед, во тьму неизвестности брошенного ему вызова. Но ему не всегда удается здраво оценить ситуацию, не хватает зрелости и объективности. Артур дополняет героический образ Гавейна столь необходимой тому объективностью и авторитетом патриарха. Артур, как король, соблюдает традиции: он является властным, рациональным и консервативным правителем. Артур привержен героическим идеалам, но они исходят из головы, а не из сердца. В момент опасности Артур попадает в зависимость от энтузиазма и оптимизма Гавейна. В свою очередь, энтузиазм и оптимизм Гавейна зависят от авторитета и одобрения короля. Разумеется, в любом случае неблагоприятно сочетаться браком с дьяволом, если, конечно, речь не идет о спасении жизни короля. Взаимно дополняя друг друга, Артур и Гавейн составляют образ героя, способного и рационально решать проблемы, и поступать в соответствии с идеальным кодексом чести. И до тех пор, пока Гавейн не встретится лицом к лицу с ведьмой – один на один, в комнате новобрачных, без Артура, он не сможет осознать глубины проклятья, заложником которого его сделал собственный энтузиазм. Не имея ясного представления о принятом им вызове, Гавейн остается тесно связанным с Артуром (и с патриархальной традицией). Только Рагнель может освободить Гавейна от Артура и сделать его «по-настоящему свободным мужчиной».

Даже после первого знакомства с этой историей нам следовало бы обратить внимание на то, как проявляется у каждого из наших героев гнев, вызванный ощущением бессилия перед лицом возможной потери. Вспомним ультиматум разъяренного сэра Громера, стычки Рагнели с Артуром, Гавейна и Рагнели и, наконец, открытый вызов, который бросила Гавейну Рагнель. *Испытание изменением перед лицом неизбежной потери* – это главная эмоциональная тема нашей легенды. Подобная проблема встает перед каждым человеком на том этапе развития личности, когда люди впервые сталкиваются с неожиданными потерями: смертью, разводом, расставанием, болезнью или уходом из дома взрослых детей. Смерть или болезнь стареющих родителей, проблемы со здоровьем и физическая немощь, расставание в результате развода – это примеры тех потерь, которые заставляют людей среднего возраста обращаться за помощью к психотерапевту.

По мнению Юнга, главная задача личностного развития человека среднего возраста – это необходимость уравновесить его одностороннее развитие в первой половине его жизни. У мужчин поиск этого внутреннего равновесия обычно предполагает интеграцию в личностную идентичность тех аспектов «вытесненной фемининности», которые называются *анимой*. Женщинам необходима интеграция «вытесненной маскулинности», или *анимуса*. Таким образом, развитие личности в среднем и более старшем возрасте заключается в изменении прежнего способа адаптации и осознанной интеграции многого из того, что ранее считалось привычками или зависимостью от других людей.

Юнг полагал, что личностное развитие мужчины требует отказа от позиции одинокого и отстраненного «героя», а также признания важности межличностных отношений и своей зависимости от других людей. Ситуация женщины оказывается прямо противоположной: для ее личностного развития необходим переход от приспособленческой и зависимой позиции к самостоятельности и независимости. Кросс-культурные исследования, проведенные Дэвидом Гутманом в отношении стилей проявления Эго среди европейских и неевропейских народов, подтверждают юнгианскую идею об изменениях в способах адаптации к условиям жизни в

зрелом возрасте⁹. Согласно заключению Гутмана, мужчины демонстрируют тенденцию к переходу от активного хозяйского» стиля, присущего молодому возрасту, к пассивному «приспособленческому» стилю. У женщин изменения в проявлении Эго заключаются в переходе от пассивно-приспособленческого стиля к более активному, «влиятельному». В своих исследованиях Гутман не рассматривает основную осознанную идентичность, или «Я-концепцию». Юнгианская психология делает акцент на том, что возрастные изменения в индивидуальном стиле должны происходить осознанно – чтобы человек мог извлечь максимальную пользу из процесса личностного развития. Обстоятельства, требующие нового способа адаптации, могут изменить сам способ приспособления человека к внешней реальности (например, благодаря происходящим с ней изменениям женщина становится более самостоятельной, ищет возможность самой зарабатывать себе на жизнь и материально не зависеть от мужа), но изменение способа адаптации не всегда изменяет жизненную установку человека. Юнгианское понятие индивидуации, которое означает успешную интеграцию ранее вытесненных или привычных аспектов личности, подчеркивает, что интеграция через осознание – это ключевой фактор успешного психического развития.

Когда мы используем в своей работе легенду о сэре Гавейне и леди Рагнель, то начинаем терапию с проблемы «осознания возможных потерь». Повышение мотивации людей к работе над теми внутренними проблемами, которые сначала завели их в тупик, а теперь мешают формированию базового доверия, – это первый шаг в данном виде супружеской терапии. «Объятие с ведьмой» изначально включает в себя установление контакта с вызывающими страх негативными сторонами внутреннего мира, чтобы человек смог избавить своего партнера от тяжелого бремени собственных обид, разочарований и отчаяния. Каждому из супругов необходимо распознать и преодолеть сопротивление и страх перед изменениями, подавленный и вытесненный из сознания материал, а также доминирование некоторых аспектов своей самости.

Проблему противоборства и принятия обид и разочарований можно описать через процесс установления различий между стремлением к привязанности и стремлением к доминированию в межличностных отношениях семейной пары. Когда супруги обращаются к психотерапевту (обычно это происходит по настоянию жены или из-за неадекватного поведения ребенка), то, как правило, партнеры действуют по схеме «доминирование-подчинение», а не «привязанность-сепарация». Базовой моделью близких, доверительных отношений является инстинктивная схема привязанности и сепарации. Когда супругам приходится отказываться от этой схемы и присущих ей выразительных жестов, символических значений и повторяющихся действий в пользу доминирования или «борьбы за власть», каждый из супругов чувствует себя подавленным и ощущает угрозу, исходящую от другого партнера. Не имея возможности наладить эмоциональные связи между двумя взаимно зависимыми личностями, способными удовлетворять потребности друг друга, два взрослых человека образуют симбиотическое целое или «растворяются» друг в друге, так что один оказывается «сверху», а другой – «снизу», и тогда решение каждой проблемы превращается в постоянную борьбу за власть.

Хотя оба супруга могут признавать иррациональный характер своей борьбы (они говорят: «Это смешно, но мы не можем перестать спорить из-за пустяков»), прекратить эту борьбу им не удастся. Пока они оба не осознают, что их отношения определяются схемой «доминирование-подчинение», для которой, как правило, характерно обесценивание фемининности, супруги не смогут изменить стиль своих отношений и почувствовать взаимную привязанность. Осознание грядущих потерь, желание услышать «голос ведьмы» и поддержка психотерапевта часто помогают людям перейти от явной борьбы за власть к сближению позиций. Но это лишь первый шаг в работе над проблемой доминирования и подчинения.

⁹ David Gutmann, “The Cross-cultural Perspective: Notes Toward a Comparative Psychology of Aging”, in J. Birren and K.W. Schaie, eds., *Handbook of the Psychology of Aging*.

Парадоксально, что столкновение с потерями, обидами и разочарованиями дает возможность каждому из супругов перейти на следующую стадию личностного развития. Но, прежде всего, для перехода на следующую стадию каждому из партнеров необходимо пересмотреть свое отношение к фемининности. Для мужчины этот процесс заключается в признании своей зависимости от близких ему людей, наличия страхов, потребностей и чувств и открытом их выражении. Для женщины это, прежде всего, признание своей значимости, своих возможностей и своего права требовать подчинения, а также интеграция доверия в образ своего Я как зрелой личности, умеющей проявлять заботу о других. Если каждый из партнеров сумеет принять обиженную, стыдящуюся и не оцененную по достоинству «ведьму» и «обняться» с ней, это принятие будет способствовать открытию новой жизненной силы – расколдованной принцессы с серыми лучистыми глазами и грациозными манерами.

Глава 2. Феминизм и юнгианская психология

Каждый раз, когда речь заходит о феминизме и юнгианской психологии, мне приходится спорить со своими коллегами, особенно с теми, кто занимается социальной работой и абсолютно уверен в том, что теория Юнга является женоненавистнической. Феминисты всегда критиковали и работы Юнга, и вклад современных юнгианских аналитиков в женскую психологию. Тем не менее, феминистами было написано множество полезных статей и сделано немало критических замечаний в адрес юнгианской психологии, и нам по-прежнему следует скептически относиться к использованию андроцентрических концепций в исследовании женской психологии¹⁰. Андроцентризм, или принципиальный подход к любому вопросу с позиций мужской психологии, стал проблемой не только для юнгианской психологии, но и для всех остальных важнейших психодинамических теорий. Когда женщины сами стали оценивать значимость и правоту своих переживаний, они пришли к выводу, что многие традиционные представления об их желаниях и мотивациях на самом деле являются искаженными и ограниченными.

Например, такое понятие, как «зависть к пенису», постулирующее ущербность женщины и ее зависть к мужчине в связи с иным строением половых органов и отсутствием пениса, демонстрирует проявление андроцентризма в традиционной психоаналитической теории. Так, о беспокойной, озабоченной женщине среднего возраста, которая признает свою интеллектуальную неполноценность, юнгианский психотерапевт мог бы сказать, что она «управляема анима́сом», ибо женщина эта разговаривает в субъективистской, не терпящей возражений манере, доказывая либо общеизвестную, либо весьма сомнительную идею. Такой способ навешивания ярлыков можно считать андроцентрическим, если переживания женщин оцениваются мужчинами с позиции мужских норм и стандартов, без учета социального окружения или характерных особенностей женской половой идентичности и традиционных социально-половых ролей.

Введенные Юнгом понятия анимы, т. е. вытесненной фемининности у мужчин, и анимуса – вытесненной маскулинности у женщин, феминисты считают андроцентрическими и, соответственно, испытывают к ним особое недоверие. Сам Юнг относил эти понятия к *архетипам*, иногда – к *комплексам*. Во всяком случае он считал, что анима и анимус определяют естественную склонность человека специфически реагировать и особым образом вести себя по отношению к противоположному полу. Интерпретируя понятие анимы, Юнг зачастую смешивал ощущения женщины с точки зрения мужчины и ее реальные ощущения. Вместо того, чтобы четко разделить мужские страхи и фантазии относительно женщин от того, кем на самом деле является женщина, Юнг был склонен смешивать фантазии и реальность. Обратимся к следующему фрагменту:

Насколько позволяет судить мой опыт, мужчина всегда хорошо понимает, что такое анима и, как я упоминал прежде, имеет о ней совершенно определенное представление, так что среди множества женщин разных времен и народов он может выбрать ту единственную, которая наиболее близка ему по типу анимы¹¹.

Следствием путаницы между мужскими представлениями о женщинах и реальной женской индивидуальностью явилось создание ряда юнгианских женских типологий, которые основаны на типологии мужской анимы¹².

¹⁰ Два примера критики психологии Юнга со стороны феминистов: Carol Christ, “Some Comments on Jung, Jungians and the Study of Women”, pp. 68–69, и Naomi Goldenberg, “Jung and Feminism”, pp. 443–449, pp. 443–449.

¹¹ Jung, “Mind and Earth”, *Civilization in Transition*, CW 10, par. 81.

¹² См. например, Toni Wolff, «Structural Forms of the Feminine Psyche» (Эту монографию на английском языке достать трудно, разве что в библиотеке Института Юнга, но существует ее хорошее краткое содержание: Donald Lee Williams, *Border*

Развитие представлений о женском анимусе стало возможным благодаря открытию мужской анимы. «Так как анима является архетипом, существующим у мужчин, – пишет Юнг, – разумно предположить существование эквивалентного архетипа у женщин»¹³. Сделав такой вывод, Юнг добавляет, что «логически» вывел понятие анимуса, которое не было подтверждено какими-либо клиническими наблюдениями. Тем не менее, он продолжает развивать концепцию анимуса и утверждает, что «... не встречал ни одной женщины, способной сказать мне что-либо определенное о моей личности»¹⁴. Но поскольку Юнг не придавал никакого значения влиянию социального окружения на развитие анимы и анимуса, а также все более увеличивающемуся числу случаев воспитания детей матерями-одиночками, он не мог найти убедительных объяснений, почему мужчины проецируют такой уникальный и персонифицированный образ анимы (как женщины), тогда как женщинам не свойственно проецировать уникальный и персонифицированный образ анимуса (как мужчины).

Рассматривая эти идеи преимущественно с мужской точки зрения, Юнг внес вклад в развитие популярной теории о «второсортности» нравственных устоев женщины и ее интеллектуальных способностей. Согласно теории Юнга, женщина, одержимая ее анимусом, – это женщина «упрямая, принципиальная, устанавливающая свои законы, догматичная, преобразующая мир, склонная к теоретизированию и аргументации, знающая цену слову и стремящаяся к доминированию»¹⁵. И когда женщина, которая уже испытывает повышенную тревожность относительно своих интеллектуальных способностей, воспринимает подобную характеристику всерьез, то она, еще только приступая к какому-либо делу, может почувствовать свое поражение¹⁶.

Несмотря на андроцентризм, присущий некоторым юнгианским понятиям, и теория Юнга, и сами его методы дают уникальную возможность понять символизм внешних проявлений и выйти за пределы личных неудач. Далее я постараюсь показать, что феминистский подход к психотерапии, опирающийся на юнгианскую психологию, вполне конструктивен и согласуется с теорией психического развития Юнга.

Crossings: *A Psychological Perspective on Carlos Castaneda's Path of Knowledge*, pp. 119–122.)

¹³ Jung, *Aion*, CW 9ii, par. 27.

¹⁴ Jung, “Mind and Earth”, *Civilization in Transition*, CW 10, par. 81.

¹⁵ Jung, “Concerning Rebirth”, *The Archetypes and the Collective Unconscious*, CW 9i, par. 223.

¹⁶ Я хочу поблагодарить Demaris Wehr, Ph.D. за ее инсайты и ее вклад в анализ юнговской концепции анимуса.

Теория феминизма и психотерапия

Прежде всего, необходимо пояснить, что я имею в виду, говоря о феминистском подходе, или феминистской психотерапии. Я называю себя феминисткой, и направленность моей психотерапевтической деятельности соответствует задачам феминистской терапии¹⁷. Приверженность идеям феминизма является моей отличительной чертой как психолога и психотерапевта, так как я заинтересована в том, чтобы современные женщины становились более авторитетными и независимыми, а также имели возможность для развития целостной личности. Процесс самоутверждения в современном обществе чрезвычайно труден для женщин. Стремление к самоутверждению следует понимать в контексте женской половой идентичности. Некоторые приписываемые женщине качества, такие, например, как покорность, слабость и глупость, дискредитируют женскую индивидуальность. Чтобы иметь влияние и авторитет, оставаясь женщиной, а не идентифицируясь с авторитетным мужчиной, нам необходимо понять, какое значение придает гендерным чертам социум. В обществе, которое настроено против независимости женщины, мы вынуждены вести постоянную борьбу за самоопределение.

Будучи и феминисткой, и психотерапевтом, я обязана помочь каждому – и мужчине, и женщине – пересмотреть свое отношение к повседневным жизненным проблемам, сохранить доверие и взаимопонимание в семье, научить заботиться о тех, кто рядом. Такая позиция изначально является моим личным и этическим обязательством, а не просто формальным отношением к пациентам. В процессе своей деятельности, оказывая поддержку женщинам и пересматривая некоторые из своих собственных идеалов, я обнаружила, что каждый из нас находится под влиянием неосознанных стереотипов и предубеждений, касающихся социально-половой роли женщины. Так как в американском обществе сфера принятия решений монополизирована белыми мужчинами и многие «второсортные» качества, такие, как зависимость, эмоциональность и т. д., привычно ассоциируются с женственностью, нам следует с большой осторожностью использовать любые концептуальные схемы для описания женской половой идентичности или для определения самого понятия «фемининность».

Когда женщины используют свой авторитет или проявляют настойчивость, они почти всегда ощущают некую двойственность. Согласно исследованиям Бровермана и его коллег, в нашем обществе бытует мнение о том, что идеальный мужчина является более компетентным, независимым, объективным и более рациональным по сравнению с идеальной женщиной¹⁸. Напротив, идеальная женщина должна быть покорной и зависимой, послушной и менее целеустремленной, чем любой «нормальный взрослый человек» (независимо от пола). Таким образом становится понятной противоречивость женского авторитета. Если женщина демонстрирует объективность, компетентность и независимость (т. е. качества, присущие зрелому взрослому человеку), значит, она утрачивает женственность. Но если женщина идентифицирует себя с покорной, пассивной и зависимой личностью, проявляющей все негативные качества фемининности, ей никогда не удастся стать взрослой. Идентифицируя себя с компетентной, уверенной, авторитетной личностью, женщина также проигрывает. Поэтому неинтегрированный анимус самоуверенной женщины оказывается скорее следствием конфликта, связанного с приписыванием социумом женщине права на власть, чем результатом психологического развития самой женщины.

¹⁷ Более подробно об области применения и концепции феминистской терапии можно прочитать в книге: А. М. Brodsky and R. Hare-Mustin, eds., *Women and Psychotherapy: An Assessment of Research and Practice*.

¹⁸ I. K. Broverman, S. R. Vogel, D. M. Broverman, R. E. Clarkson and P. S. Rosenkrantz, «Sex-role Stereotypes: A Current Appraisal», pp. 59–78.

Как правило, даже сами психологи ожидают, что женщина должна быть более пассивной и послушной, чем мужчина, и менее целеустремленной, чем любая зрелая личность¹⁹. Хотя повсеместно признается ошибочность подобных взглядов, они все еще остаются популярными среди широких слоев населения. Возможно, набор качеств, приписываемых маскулинности, считается более желательным, чем характеристики, присущие фемининности. Как мужчины, так и женщины включают в образ Я типичные качества своей половой идентичности. Характерная для женщин склонность занижать собственные возможности и даже оговаривать себя может быть результатом социального давления, которое заставляет слабый пол приспособляться и подтверждать негативные представления о себе. Хорошо продуманные исследования, проведенные вскоре после того, как работа Бровермана и его коллег была завершена, показали, насколько невысок статус женской половой идентичности по сравнению с мужской²⁰.

Некоторые идеи Юнга, особенно его концепция архетипов, неоднократно были использованы как подтверждение «второсортности» личности женщины. Юнговские концепции архетипа, архетипической маскулинности и фемининности, а также концепции анимы и анимуса лежат в основе женоненавистнических идей, так как накладывают ряд ограничений на женскую идентичность²¹. Так, например, интерпретация архетипов, предложенная Энтони Стивенсом, – это самый свежий образец женоненавистнических умозаключений, касающихся архетипической маскулинности и фемининности, причем сам Стивенсон убежден в том, что биологическое предназначение женщины – исключительно материнство и забота о детях²². Пока проявление заботы и внимательное отношение к другим людям не стало неотъемлемой чертой характера мужчин, последние не могут быть объективными в решении вопроса о том, кто должен вести домашнее хозяйство и какие навыки требуются для воспитания детей.

По моему мнению, первой задачей феминистской психотерапии является изучение актуальных сознательных установок человека и взаимосвязи этих установок с «второсортными» качествами, присущими женскому полу. Прежде всего я задаю такой вопрос: «Насколько человек связан с женской идентичностью, т. е. насколько он (или она) наделен такими качествами, которые можно охарактеризовать как «менее, чем...»: менее властный, менее справедливый, менее умный, менее слабый, менее рациональный и т. п.? Исследование скрытых представлений о половой идентичности в контексте патриархальной культуры дает возможность понять, в какой степени женщина и мужчина ощущают свою значимость и самооценку».

Как феминистка я полагаю, что психотерапия семейных пар представляет собой процесс сотрудничества в рамках особого социального ритуала. Регулярные встречи, которые проходят в одном и том же месте в назначенное время, определенный размер оплаты, экспертное мнение терапевта – все это составляющие общего психотерапевтического ритуала. Он может напоминать визит к врачу: поиск и определение «недуга» и его причин, постановка диагноза и назначение лечения. Ритуал может быть похож на исповедь или на обучающий тренинг. Я предпочитаю видеть в терапевтическом ритуале прежде всего «консультацию» с элементами обучения, ориентированную на инсайт и улучшение межличностных отношений. И поскольку психотерапия предполагает одновременно проявление и эмпатии, и объективности, такой опыт общения оказывается уникальным и глубоко личным.

Я считаю, что терапевтическая консультация – это процесс объединения усилий, формирующийся в соответствии с запросами и пожеланиями клиента. На мой взгляд, идеальным способом сотрудничества взрослых людей является свободное общение, основанное на вза-

¹⁹ I. K. Broverman, D. M. Broverman, R. E. Clarkson, P. S. Rosenkrantz and S. R. Vogel, “*Sex-role Stereotypes and Clinical Judgments of Mental Health*”, pp. 1–7.

²⁰ См., например, Alice Eagly, «*Gender and Social Influences: A Social Psychological Analysis*», pp. 971–981.

²¹ См. обсуждение феминизма и юнгианской психологии в книге: Polly Young-Eisendrath and Florence Wiedemann, *Female Authority*.

²² Anthony Stevens, *Archetypes; A Natural History of the Self*, pp. 174–209.

имном доверии и уважении (а не просто обмен какой-либо информацией). Соответственно, я придерживаюсь норм феминистской этики относительно ответственности терапевта и прав клиента, когда рассказываю о своем образовании и опыте работы, когда воздерживаюсь от привычной интерпретации критических отзывов клиента как «сопротивления» (или от использования другого, более удобного ярлыка), когда информирую клиентов о возможности найти альтернативу психотерапии и о потенциально вредном побочном воздействии терапии²³.

* * *

Для того чтобы сотрудничество стало более успешным, я использую следующие стратегии достижения изменений, которые являются фундаментальными «планами действий» и лежат в основе всех применяемых мною методов:

1) *Формирование психотерапевтических отношений*: достижение взаимопонимания между клиентом и психотерапевтом и закрепление позитивных изменений, достигнутых клиентом (например, использование «переноса» и «терапевтического альянса»).

2) *Преобразование или изменение смысла происходящего*: оказание помощи в изменении прежних и формировании новых установок клиента, т. е. изменение его представлений, ожиданий, фантазий и т. п., ограничивающих личностную идентичность; расширение сферы личного смысла происходящего (применение интерпретаций и парадоксальных терапевтических интервенций).

3) *Получение новых знаний*: помощь в развитии новых умений и навыков, в овладении новыми моделями поведения для более успешного взаимодействия с окружающей средой, и особенно для общения с близкими людьми (применение бихевиоральных методов или «домашнего задания»).

4) *Расширение сферы понятий для придания иного смысла происходящему*: обучение клиента, освоение им новых понятий и стратегий мышления, способствующих более четкому и ясному пониманию человеческой мотивации, ответственности, взаимной поддержки и эмпатии в личной жизни и межличностных отношениях (обучение клиента техникам интерпретации сновидений).

Юнгианские методы отвечают этим базовым стратегиям в той степени, в которой они совместимы с феминистским подходом к терапии, так как позволяют объяснить целесообразность применения конкретных терапевтических концепций и оказывают влияние на наш подход к терапии. Вклад Юнга в практическую психотерапию можно назвать революционным, но, тем не менее, он до сих пор остается недооцененным и недопонятым. Как феминистка и юнгианский психолог, я концентрирую внимание на тех четырех аспектах вклада Юнга в психоанализ и психотерапию, которые близки моей работе: необходимость восстановления доминирующей сознательной установки, важность устранения проекций анимуса и анимы, процесс индивидуации, а также идея конкурирующих психических реальностей в интерактивном поле (как в межличностном, так и в интрапсихическом). Рассмотрим каждый из этих аспектов.

²³ R. T. Hare-Mustin, J. Maracek, A. G. Kaplan and N. Liss-Levinson, "The Rights of Clients, the Responsibilities of Therapists", pp. 3–16.

Восстановление доминирующей сознательной установки

Значение, которое Юнг придавал доминирующей сознательной установке как области терапевтического воздействия, согласуется с теорией феминизма. Терапевты – приверженцы феминистской концепции – помогают своим клиентам оценивать себя и партнера в межличностных отношениях, особенно если речь идет о бессознательном приписывании второсортности или превосходства, связанных с определенной половой идентичностью.

В 1929 г. Юнг писал: «Невроз или любой другой психический конфликт гораздо больше зависит от индивидуальной установки пациента, чем от истории его детства. Задача психотерапии заключается в изменении сознательной установки»²⁴. Концентрация внимания на ситуации «здесь и теперь» и на существующей в данный момент установке клиента позволяет наблюдать «человека в конкретной ситуации» (по выражению социальных работников, особенно чутких к той обстановке, которая нас окружает). Я подчеркиваю важность влияния интрапсихических и интерперсональных аспектов, которые проявляются в отношениях между клиентом и другими значимыми для него людьми, включая психотерапевта. Кроме того, я отмечаю доминирующее влияние культуры белых американцев и непосредственное влияние латиноамериканской культуры на сферу межличностных отношений.

Используя концепцию комплексов Юнга, я обращаю особое внимание на существующую в данный момент у клиента установку в интрапсихической области и в сфере межличностных отношений. Комплекс – это совокупность образов, идей и чувств, связанных с иррациональными побуждениями или мотивациями. Например, человек может осознавать наличие комплекса, сформировавшегося на основе ощущения телесного образа Я, полностью или частично в зависимости от того, в какой степени он осведомлен о нем. А комплекс, сформировавшийся на основе вытесненных или подавленных аспектов половой идентичности, может быть полностью неосознаваемым.

Комплекс в межличностных отношениях – это привычный круг действий, символических образов и эмоций, сформировавшийся в связи с переживанием некоторых типичных жизненных ситуаций. Примерами комплексов, существующих в повседневной жизни, могут служить «Эго-комплекс», «Отец», «Мать», «Ребенок» и «Герой». Эти комплексы – не рациональные дискретные образования, а скорее состояния бытия в его типичном выражении. Понятие комплексов способствует пониманию иррациональной коммуникации в межличностном общении – между двумя людьми или в целой группе, например, в семье. Бессознательные комплексы могут препятствовать целенаправленным, рациональным способам общения; они мешают человеку ощущать себя личностью и видеть личность в другом человеке.

Если переживание комплекса происходит исключительно во внутреннем плане, человек воспринимает комплекс как внутренний конфликт, который можно назвать конфликтом между комплексами. Как правило, это конфликт между Эго-комплексом личности, или Я как субъектом намеренного действия, и каким-то другим, менее осознанным комплексом. Отыгрывая бессознательный комплекс, человек становится неуравновешенным и легко выходит из себя; он пребывает в странном настроении, постоянно испытывает беспричинную тревогу. Если переживание комплекса затягивается, отыгрывание происходит и в межличностной сфере, в отношениях между людьми. Один человек отыгрывает свой комплекс, затем в этот процесс включается другой и, в свою очередь, по-своему отыгрывает этот комплекс.

Например, молодая женщина разговаривает с мужчиной, обсуждая какую-либо проблему. Вдруг она начинает наводить порядок в его комнате, расспрашивать его, как он себя чувствует и о чем он думает. По существу, женщина организует окружающую реальность

²⁴ Jung, "Some Aspects of Modern Psychotherapy", *The Practice of Psychotherapy*, CW 16, par. 53.

так, словно является матерью мужчины; она «одержима» материнским комплексом. Поведение женщины говорит о ее желании контролировать жизнь своего мужчины и заботиться о нем. Если мужчина никак не реагирует на эти действия, оставаясь равнодушным и отстраненным, он, по существу, дает понять: «Ты относишься ко мне как к ребенку. Оставь меня в покое». Женщина замечает эту отстраненность, начинает беспокоиться, понимая, что совершила какую-то ошибку, и пытается восстановить отношения. В ответ на ее беспокойство мужчина еще больше отдаляется от нее. Затем эти двое расстаются, продолжая отыгрывать негативный материнский комплекс. В процессе такого отыгрывания мужчина ведет себя как мальчик, подавляемый «поглощающей» матерью, а женщина испытывает страх, искренне веря в то, что она плохая и что вся ее забота и все ее слова никому не нужны и никуда не годятся. Если оба партнера продолжают отыгрывание своего иррационального комплекса, то вскоре начнут путаться в значении собственных слов, и общение их перестанет быть осознанным и целенаправленным.

Негативный материнский комплекс – общекультурная проблема, связанная с женской идентичностью и архетипом Ужасной Матери. Говоря об этом архетипе, я имею в виду инстинктивно-эмоциональную модель поведения, реакцию взрослого человека на жесткое родительское воспитание. Ужасная Мать – это олицетворение жестокой богини, ведьмы или мегеры. Эти архетипические образы ассоциируются со смертью, удушением, симбиозом и страхом быть поглощенным. Масштабы распространения негативного материнского комплекса в западном обществе напоминают эпидемию, причина которой нам уже известна: обесценивание проявления заботы и привязанности и приписывание этих качеств исключительно женщинам, не получающим никакого ощутимого вознаграждения.

Я ввела понятие архетипа, опираясь на концепцию коллективного бессознательного, но не пояснила тот смысл, который вкладываю в это понятие. В соответствии с юнговским определением архетипа как такового, я использую это понятие для обозначения модели *действия и мышления, формирующей человеческие инстинктивно-эмоциональные реакции (выражаемые в жестах или символах) в контексте определенных отношений*. Эти отношения могут включать в себя интрапсихический обмен энергией между комплексами (осознанными и неосознаваемыми психическими фрагментами личности), как это происходит в сновидениях, или же межличностные отношения. Юнговское понимание архетипов как организующих форм инстинктивных реакций совместимо с теорией Боулби – концепцией человеческого инстинкта как естественной поведенческой реакции, способствующей выживанию вида²⁵. Человеческие инстинкты – не просто спонтанные импульсы, а модели поведения, которые актуализируются только в соответствующих социальных условиях. У приматов и человека инстинкты более гибкие, требуют больше времени для развития, а также имеют более разнообразное внешнее выражение по сравнению с инстинктами менее высоко организованных животных.

Человеческие инстинкты социальны по своей природе, так как регулируют отношения между членами сообщества. Согласно концепции архетипов Юнга и теории человеческих инстинктов Боулби, типичные эмоциональные реакции актуализируются в определенные периоды человеческой жизни в связи с необходимостью формирования отношений, важных для выживания. Эти реакции связаны с различными видами человеческой деятельности, такими, например, как общение младенца с матерью, игра со сверстниками, освоение новой территории, иерархическое доминирование, ритуалы инициации, установление отношений между взрослыми людьми и захват чужих территорий. Вот что сказал Юнг о связи архетипа с человеческими инстинктами:

Инстинкты ни в коем случае не являются слепыми, спонтанными, отдельными импульсами; напротив, они связаны с типичными ситуационными

²⁵ Bowlby, *Attachment and Loss*, vol. I.

паттернами и не достигают разрядки, пока реальные условия соответствуют *прежнему* паттерну. Коллективное содержание, выраженное в мифологемах, представляет собой такие ситуационные паттерны (т. е. архетипы), которые тесно связаны с разрядкой инстинкта. Психотерапевт должен иметь четкое представление о взаимосвязи инстинкта и архетипа в силу их высочайшей практической значимости²⁶.

Энтони Стивенс настаивал на превосходстве концепции архетипов Юнга перед теорией инстинктов Боулби, так как согласно теории Юнга архетипы символически отражают типичные социальные инстинкты людей как социальных животных²⁷. Например, состояния эмоционального возбуждения – страха, привязанности или расставания – находят символическое проявление в народных сказаниях или в особых ритуалах, а также проявляются индивидуально – в жестах и языке каждого человека. *Сами по себе* архетипы проявляются в интегрированных паттернах физиологического возбуждения и в жестикуляции. Кроме того, архетипические образы можно найти в традиционных мотивах и темах народных сказаний, в мифах и ритуалах; они являются достоянием мировой культуры. Диапазон возможностей выражения человеком значимой инстинктивной реакции гораздо шире диапазона возможностей любого животного. В особых условиях человеческих отношений человек переживает гнев, любовь или страх, и события выражения этих чувств во многом похожи у представителей разных культур и сообществ.

Так как целью моей терапевтической работы является изменение существующей сознательной установки, я рассматриваю архетип как *врожденную организующую форму всего архайического и устойчивого содержания человеческой природы*. Если клиент отличает архетипические переживания и проявление их в комплексах (особенно в бессознательных комплексах) от реальных повседневных переживаний, он испытывает облегчение. Он понимает, что архетипические образы и символы значат «больше, чем жизнь», и что они гораздо «сильнее» обычного человека. Боги, богини и божественные силы не присутствуют в сфере личной ответственности человека. Люди вовлечены в переживание архетипических образов и чувств, но не имеют возможности управлять и оперировать ими так же свободно, как связным, логичным повествованием. Комплексы наделяются значением, которое обусловлено их большим эмоциональным зарядом, и это значение чаще подразумевается, чем конкретизируется. Комплексам, как и схемам, или «дооперациональным» мыслям (в терминах Пиаже), свойственны иррациональные способы выражения. Комплексы формируются в образно-аффективной сфере мышления и действия, имеющей некую структуру; их можно распознать и понять, но только без применения средств рационального познания.

Негативный материнский комплекс может быть использован в качестве специфической иллюстрации. Сформированный на основе архетипа Ужасной Матери, этот комплекс является выражением инстинктивно-эмоциональной реакции на негативную сторону проявления заботы и привязанности. Для него характерны ощущения подавленности, безысходности, удушья, а также страх перед этими ощущениями. Олицетворением негативного материнского комплекса является образ ведьмы, мегеры или жестокой и кровожадной богини. Каждый из этих персонажей более отвратителен, мерзок и зол, чем обыкновенная женщина. Если этот комплекс приписывается женщине или если женщина сама бессознательно идентифицирует себя с ним, то она ощущает себя более сильной и влиятельной, чем это есть на самом деле. Она фактически приговаривает себя к ошибочным действиям, и чувство вины еще больше усиливается, выходя за грань человеческой ответственности. Долговременная интериоризация негативного материнского комплекса способствует тому, что женщина испытывает сильную ненависть по отношению к себе и, как правило, остается в одиночестве.

²⁶ Jung, "Medicine and Psychotherapy". *The Practice of Psychotherapy*, CW 16, par. 208.

²⁷ Stevens, *Archetypes*, p. 89.

Анимус и самоощущение женщины

Юнгианские психологи называют аниму и анимус архетипами, а иногда комплексами²⁸. Я называю их комплексами и считаю, что в этом случае мое применение теории Юнга в терапии становится более системным. Эти противостоящие друг другу половые комплексы образуются на основе архетипа идентичности «Не-Я». Анимус или анима – это комплексы привычных действий, символов, образов и эмоций, сформированных вокруг ядерной структуры «Другой», или «Не-Я», и включающие аспекты, исключенные из половой идентичности. Элементы, исключенные из половой идентичности человека, но социально признаваемые как важные аспекты человеческой жизни, составляют «содержание» таких контрасексуальных комплексов. Так как в процессе развития человека эти элементы изменяются, то этот комплекс является продуктом как текущих возрастных изменений половой идентичности, так и отношения общества к социально-половым ролям. И половая принадлежность, и половая идентификация могут содержать элементы и маскулинности, и фемининности, но общество признает принадлежность человека только к одной из двух взаимно исключающих половых категорий. Приписывание определенного содержания анимусу или аниме никогда не будет соответствовать степени переживаний в процессе индивидуального развития на протяжении всей жизни. Если мы просто называем анимус логосом или духом, а аниму эросом или душой, мы ограничиваем свое представление об этих бессознательных комплексах, которые развиваются на протяжении всей жизни.

Прежде чем рассмотреть схему развития анимуса, практическое значение которой, по моему мнению, достаточно велико, мне бы хотелось вкратце обсудить определение половой идентичности, появившееся в последних социально-психологических исследованиях. Кэролайн Шериф разработала приемлемую концептуальную систему, охватывающую многие аспекты проблемы пола. Ниже я привожу небольшой фрагмент из ее работы, в котором речь идет о значении пола:

Пол – это схема социальной категоризации людей, и каждое известное нам общество имеет такую социально-половую схему. Каждая социально-половая схема учитывает биологические различия, но при этом фиксирует определенные социальные различия... Социально-половые категории являются взаимно исключающими, так как принадлежность к одной социальной категории исключает принадлежность к другой²⁹.

Шериф отмечает, что пол – это «система в себе», куда включены внутренние конфликты и психологическое отношение к социальным категориям, а также изменение знаний об этих социальных категориях. Пол – это совокупность отношений идентичности, аналогичная комплексам анимы и анимуса. Клиническая практика дает мне уверенность в том, что социальная предубежденность и скрытое отношение общества к вопросам пола не менее важны для содержания анимуса и анимы, чем, например, отношения с отцом и матерью. Иногда влияние культуры оказывается даже более важным, чем личные отношения. Так, например, у одинокой женщины, имеющей ответственную должность в мужском коллективе, время от времени будут

²⁸ Сам Юнг называл их и комплексами, и архетипами. С моей точки зрения лучше всего называть эти субличности комплексами. Употребляя понятия архетипов анимы и анимуса, человек предполагает, что с этими субличностями связан особый архетипический образ. Архетипические образы маскулинного и женственного начала нельзя отнести к анимусу или аниме, так как половые различия изменяются в зависимости от культуры и социальной группы. Определяя анимус и аниму как «обратную» сторону или вытесненный аспект половой идентичности человеческой личности, мы можем по-иному посмотреть на эти аспекты: с точки зрения их развития и через социально-культурное влияние.

²⁹ Carolyn W. Sherif, "Needed Concepts in the Study of Gender Identity", p. 376.

возникать определенные проблемы с анимусом вне зависимости от того, насколько хорошим было отцовское воспитание и являлся ли ее отец позитивной ролевой моделью.

Как только женщина осознает, что ее ощущение своего женского «Я» (особенно связанного с самооценкой) изменилось, ее отношения с анимусом тоже становятся иными, и комплекс приобретает новую форму. Развитие ощущения себя как личности – это всегда развитие отношения Я – Другой, так как ожидания человека, предъявляемые к себе и другим людям, меняются; соответственно, меняются и возможности оправдывать эти ожидания. Иными словами, не существует такого понятия как изолированное ощущение Я, или Эго, которое развивается вне отношений с Другим. Этим Другим может быть интрапсихический комплекс или конкретный человек, но состояние «непохожести» всегда ощущается человеком как «иное», отличающееся от его Я. Следовательно, отношение человека к анимусу и отношение анимуса к человеческому Я следует рассматривать в контексте личностного развития, которое может принимать разные формы и обладать различной динамикой. Для того чтобы в процессе психотерапии отмечать все изменения, связанные с развитием личности, я рассматриваю терапевтические отношения как модель реальных отношений, обращаю внимание на повседневные межличностные отношения клиента, а также на явные изменения его самооценки (анализируя изменения во внешности, мотивации и самоотчетах) и на изменение содержания его сновидений.

Так как в процессе терапии мы пытаемся восстановить доминирующую сознательную установку клиента, основной целью становится интеграция бессознательных комплексов в сознание. Распознавание комплекса, обретение способности говорить о нем, понимание его значения и того послания, которое в нем заключено, – все это средства для развития ощущения Я. Женщина может проецировать комплекс своего анимуса, а может идентифицироваться с ним. В любом случае, если женщина делает это бессознательно, она не сможет понять ни мотивации, ни смысла своих действий. Психотерапия не дает возможности «управлять» комплексами (они иррациональны и не подвержены управлению), но помогает понимать их, чтобы впоследствии успешно их интегрировать. Избавляясь от проекций своих комплексов на других людей, человек тем самым уменьшает доминирующее влияние комплексов на свою идентичность. Осознание человеком того, что он не убийца, даже если у него (как и у многих других) иногда возникает такое ощущение, – это первый шаг к усилению существующей сознательной установки. Следующий шаг – осознание того, когда и почему появляется ощущение, что человек кого-то убил или что-то разрушил. Таким образом, интеграция анимуса приводит к усилению ощущения личной свободы и углублению эмпатии по отношению к другим.

Схема развития анимуса дает возможность определить особенности проекций и состояний идентичности женщины при существующей в данный момент сознательной установке. Описание этой схемы, а также соответствующий теоретический и клинический материал можно найти в другой работе³⁰. Мы разработали схему развития анимуса вместе с Флоренс Уайдеманн; это была первая попытка исследовать процесс изменений в отношениях Я – Другой через изменения анимуса, которые наблюдались в процессе психотерапии женщин. В эту схему включены также описания сновидений, иллюстрирующие каждую стадию развития, ибо они позволяют продемонстрировать и работу с комплексом в соответствии с юнгианской концепцией, и возможность изменения последней, что позволяет соединить ее с феминистской психотерапией. Позже мы обсудим различие между трудностями, которые испытывает женщина в процессе развития анимуса, и теми ее проблемами в межличностных отношениях, которые обусловлены ролью ведьмы, связанной с негативным материнским комплексом. У нас нет аналогичной схемы развития мужской анимы, но с образами анимы была проделана боль-

³⁰ См. главы, посвященные развитию анимуса, в книге: Young-Eisendrath and Wiedemann, *Female Authority*.

шая работа, результаты которой могут подтвердить нашу идею исследования развития женского анимуса.

Гипотезы в отношении стадий развития были выдвинуты при изучении клинического материала по психотерапии женщин, а также на основе психологических теорий структурного развития, например, теории стадийного развития Эго, разработанной Джейн Ловингер³¹. Хотя нами не было сделано никаких попыток исследовать эти стадии развития эмпирически, систематизация стадий отношения Я – анимус оказалась полезной с клинической точки зрения и соответствовала индивидуальным ощущениям женщин и здравому смыслу. Проходит ли каждая женщина через все стадии развития анимуса в строгой последовательности – не столь важно по сравнению с пользой размышлений над прошлым и будущим клиентки при планировании терапевтических интервенций. Систематизация стадий развития анимуса позволяет нам понять, что побуждает человека начать терапию и какие изменения можно ожидать в перспективе.

На данный момент процесс развития следует понимать как совокупность формальных или структурных стадий, каждая из которых имеет внутреннюю логику и свое образное представление. Теоретически ни одна стадия не может быть «пропущена», так как изменения, присущие каждой новой стадии, обусловлены изменениями, достигнутыми ранее. Хотя все эти стадии имеют возрастной «отенок», прямой хронологической связи между ними нет: развитие не всегда обусловлено возрастом. Оно может остановиться на любом жизненном этапе, и тогда мы вернемся к прежнему способу адаптации, как это бывает при воздействии сильного стресса. Уровень развития анимуса на ранних стадиях может показаться недостаточно высоким для зрелой личности, но при определенных обстоятельствах анимус будет иметь адаптивную способность. Так как идеалы фемининной половой идентичности включают в себя зависимость и отсутствие объективности, зрелые женщины способны адаптироваться, даже отыгрывая характерные детские роли. Некоторые из ранних стадий развития могут быть обусловлены психопатологией, например психозом и другими расстройствами личности³².

Каждая стадия развития анимуса характеризуется наличием двух комплексов идентичности: Я и анимуса. На каждой стадии женщина может идентифицироваться с любым образом, соответствующим этой стадии. Сознательно или бессознательно женщина может выбирать между анимусом и фемининной идентичностью, что зависит, в основном, от степени воздействия внешнего окружения на ее внутренний мир. Анимус, т. е. комплекс, следует понимать как аффективно заряженную психическую структуру, которая активизируется, как только женщина вступает в реальные (или даже только мысленные) отношения с мужчинами, мальчиками, мужскими социальными институтами или еще более абстрактной маскулинностью как таковой. Каждой стадии развития (за исключением последней) соответствует определенная мифологическая история. Все истории заимствованы из древнегреческой мифологии не потому, что она лучше других подходит для системы образного представления фемининности, но потому, что греческая мифология хорошо известна и, возможно, она оказала наибольшее влияние на развитие иудео-христианской культуры. Каждое сновидение, представленное здесь в качестве иллюстрации, – это сновидение взрослой женщины (старше 21 года), проходившей психотерапию. Эти сновидения являются иллюстрациями и отдельными фрагментами эмоционального состояния и внутреннего мира женщины на каждой стадии развития.

³¹ Jane Loevinger, *Ego Development*.

³² Развитие анимуса с точки зрения психопатологии подробно обсуждается в книге: Young-Eisendrath and Wiedemann, *Female Authority*.

Стадии развития анимуса

1) Анимус как чужеродный Другой

Женщина (или девушка) чувствует свою тождественность с существующей где-то в мире матерью или женщиной. Она формирует, как мать или дочь, материнские или сходные с ними отношения с этой женщиной (или женщинами). Сила ее идентичности и доверия проявляется только в отношениях с женщинами. Свой анимус женщина воспринимает как нечто ей чуждое, примитивное или оскорбительное – в образе убийцы, насильника или дикаря. Аффективной реакцией на анимус в этот период является базовое недоверие.

Пример сновидения: сновидица, молодая многообещающая актриса, живет в прекрасном доме, но кто-то снова и снова совершает там убийства. Ее подозрения падают на огромного страшного мужчину. Она видит этого мужчину, и один вид его наводит ужас: лоб, как у гориллы, бегающий взгляд. Мужчина тоже очень напуган. Женщина зацепляет кисти его рук плечиками для пальто и бьет его по голове два или три раза. Она говорит: «Я знаю, это ты» – а мужчина отвечает: «Ты знала, что это нелегко сделать». Он пытается освободить руки; вокруг много крови. Сновидица боится, что он убьет и ее. Она сталкивает страшного мужчину вниз, в очень глубокое круглое отверстие. Затем приходит ее отец, и она говорит ему: «Это было похоже на *Невыполнимую Миссию* или комедийную ситуацию». При этом она боится остаться наедине с отцом.

Мифологическая история: Насилие над Персефоной

Образы идентичности: Персефона, Деметра, Гадес.

2) Анимус в образе Отца, Божества, Патриарха

Женщина переживает, как будто ее принесли в жертву анимусу, отцу или вообще миру мужчин. Она может быть «папенькиной дочкой» и перенимать характерные качества отца или черты материнского анимуса. Или, напротив, она может защищать мать от отца или отца от матери. Женщина приносит в жертву собственную индивидуальность, пытаясь заслужить хоть какое-то маскулинное одобрение – благодаря своей внешности (прекрасная принцесса), успехам (демонстрация способностей) или тому и другому одновременно. На этой стадии развития женщина проживает либо мечты своего отца, либо анимус матери: она выражает себя в творчестве и сексуальных отношениях, т. е. реализует нереализованные творческие способности и сексуальность матери. Женщина ощущает утрату естественности, приносит в жертву свою аутентичность или просто накладывает на себя ограничения, чтобы мужчины не отвергли ее.

Внешний вид женщины или ее деятельность (т. е. привлекательность или успешность) ощущаются ею как фальшивая оболочка ущемленного и неадекватного Я. Женщина чувствует, что пытается удовлетворить патриархальные силы, становясь «хорошей женой и матерью», «сексуальной красоткой» или «прекрасной ученицей и помощницей». Эти оболочки создаются, чтобы удовлетворить требования отца, Бога или царя – способ, посредством которого институт материнства удовлетворяет требования патриархальности: услужливое сохранение мира маскулинности. В то же время женщина откуда-то знает, что она «не имеет права жить своей жизнью». Она чувствует, что ей «дозволено» мужским авторитетом, обладающим реальной властью, и зачастую действует, испытывая страх и вину по отношению к своему анимусу. Задержавшись на этой стадии в зрелом возрасте, женщина может постоянно находиться в состоянии апатии или в глубокой депрессии, чувствуя, что никто не может спасти ее истинное Я, которое сильно ущемлено или уже почти утрачено.

Пример сновидения: сновидица стоит на пороге фермерского дома, где она живет, и наблюдает в подзорную трубу за тем, что происходит на заднем дворе. Недалеко от нее стоит ее лучшая подруга. Все, что есть во дворе, – розовато-лиловая лягушка, которая кажется

женщине зловещей. Лягушка прыгает из стороны в сторону, и какая-то ее часть вдруг начинает превращаться в великана, похожего на привидение. Этот великан – часть лягушки – медленно направляется к женщине и ее подруге. Он уродлив и вызывает сильный страх. В тот момент, когда чудовище приблизилось к ним, чей-то голос произносит: «Мужчина – это судьба». Подруга падает замертво. Сновидица просыпается прежде, чем чудовище успеет добраться до нее, так как знает, что тоже умрет.

Мифологическая история: Пандора

Образы идентичности: Пандора, Зевс, Гефест.

3) *Анимус в образе Юноши, Героя, Любовника*

Женщина воспринимает себя покорившейся своему анимусу. Эта позиция характеризуется большей активностью по сравнению с предыдущей позицией жертвы, и женщина ощущает себя более энергичной, когда вступает в связь с мужчиной. Она может подчиниться мужчине, любому управляемому мужчинами институту (например, университету), идеалу или религии. Она ощущает себя ничтожеством и очень хочет уступать. Для начала этой стадии характерны взаимоотношения с группами мужчин (в сновидениях или в реальной жизни). Эти мужчины напоминают «сыновей-любовников» Великой Матери: им невозможно дать точное определение (молодые любовники или профессора). Сначала такая женщина очень боится, что «погибнет в браке» или, наоборот, слишком быстро бросается во мрак неизвестности. Если она в конечном счете ощущает поддержку от своего анимуса и получает ощущение полноты личности, значит, она действительно готова к партнерским отношениям.

Но женская идентичность все еще остается неполной, и эту неполноту в основном отражает ее анимус. Ее ощущение собственного достоинства и авторитетности все еще зависит от мнения мужчин, ибо их ответная реакция крайне необходима для самооценки женщины. Но, когда женщина все-таки сталкивается с подавленными аспектами своей фемининной самости (или самости окружающих ее женщин), в ней просыпается злость. В моменты столкновения она ощущает гнев и ярость, силу которых можно себе представить, вспомнив великих богинь из потустороннего мира, например Фурий. Но на этом этапе женщине угрожает опасность вернуться на первую стадию развития и остаться там либо на какое-то время, либо навсегда. Поэтому частых кратковременных отступлений, по-видимому, избежать не удастся, и эти отступления необходимы для дальнейшего развития.

Пример сновидения: сновидица отбивает своего любовника, молодого человека, у другой женщины. Они страстно целуются. Он берет ее на руки. Молодой человек не похож на себя реального. Он выше ростом и более привлекателен внешне. Он очень сильный, и, видимо, его сила приводит толпу в трепет. Толпа замирает в молчании. Женщина и ее любовник собираются уйти, чтобы жить одной семьей, но перед их уходом ее старая тетя снимает свой парик и показывает скрытые под ним редкие спутанные волосы.

Мифологическая история: Амур и Психея

Образы идентичности: Психея, Амур, Венера.

4) *Анимус как Внутренний Партнер*

Женщина ощущает себя обретшей саму себя. К ней вернулось осознание своей силы и своих возможностей, и она чувствует себя родившейся заново. Теперь женщина ощущает свою значимость и компетентность – те аспекты самости, которые она раньше пассивно отыгрывала или проецировала, – она ставит перед собой новые цели и активно их добивается. Она проявляет инициативу и большую изобретательность в работе и в межличностных отношениях, если они являются новыми или интересными для нее. Меняется отношение женщины к ее поступкам и действиям: теперь она не испытывает навязчивой потребности в одобрении и ответной реакции мужчин или других авторитетных фигур. Она способна объективно и реалистично

оценивать себя и других людей. Она впервые начинает сочувствовать тем женщинам, которые испытывают потребность в зависимости, и их компенсаторному контролю: прежде такие женщины вызывали у нее отвращение. Она стремится сделать свою жизнь полноценной и насыщенной, оказывает поддержку другим женщинам и устанавливает дружеские отношения с ними, а также обращает внимание на те стороны своей личности, которыми раньше пренебрегала.

Пример сновидения: сновидица карабкается по отвесной скале. Как только она хватается за край, чтобы подтянуться, камни под ее пальцами начинают крошиться. Но вот, наконец, женщине удается взобраться на уступ. Вокруг – песок оранжево-коричневого цвета, и сначала этот цвет вызывает у нее отвращение. Она ненавидит этот цвет, ненавидит мучительное карабкание и не хочет снова оказаться на этом месте. Когда она взбирается на самую вершину скалы, ее родители уже находятся там, а рядом с ними – огромная скульптура: женское тело, изваянное из золотистого песка. Скульптура очень красива и кажется сделанной из чистого золота. Сновидица говорит: «Я думаю, что модель для скульптуры была огромной, но я считаю, что это была я».

Потом женщина оказывается участницей эпизода из фильма *Bonanza*. Она – прекрасная танцовщица, над которой учинили самосуд в центре города. Находясь в полном сознании, она висит на сооружении из обугленных бревен. Маленький Джо освобождает ее, развязывает веревки и берет на руки. Он приносит ее в отель и снимает там две комнаты. Сновидица пытается понять, как относится к ней Маленький Джо, испытывает ли он уважение. Она просит выделить ей отдельную комнату вместо того, чтобы предложить ему заняться любовью. Женщина чувствует себя счастливой, когда убеждается в том, что Джо ее уважает. В последнем эпизоде сна пациентка с удивлением узнает, что у нее может быть пенис и что она – уже частично мужчина, хотя предпочла бы не знать об этом.

Мифологическая история: Ариадна и Дионис *Образы идентичности:* Ариадна, Тесей, Дионис, Минотавр.

5) Анимус как Андрогин

Редкая женщина ощущает себя полностью интегрированной личностью, – «полноценным человеком», компетентным, с адекватной самооценкой, проявляющим сочувствие, обладающим полным и разносторонним восприятием жизни. Суждения и взгляды такой женщины объективны. У нее свой собственный стиль работы и отношений с людьми. Она одинаково легко общается и с женщинами, и мужчинами. Вместе с тем она очень чувствительна к ограничениям в отношениях и считает конфликт неотъемлемой составляющей жизни человека. С юмором и изобретательностью она создает для себя жизненную среду, в которой чувствует себя независимой от других и способной самостоятельно оценивать себя и свои возможности.

Пример сновидения: сновидица работает в женском центре психологической помощи, где активно участвует в проектах, направленных на улучшение жизни женщин. Она чувствует, что ее энергии вполне достаточно для успешной деятельности этой организации.

Кто-то приносит и торжественно вручает ей подарок – старую сучковатую ветку апельсинового дерева. Женщина рассматривает ветку, удивляясь, в чем состоит ее ценность. Она чувствует, что может двигать ветку с помощью взгляда, даже не дотрагиваясь до нее. Она пробует сделать это, и ветка начинает плавно скользить по поверхности стола, словно под дуновением легкого ветерка. Женщина осознает, что обладает особым даром – способностью передвигать вещи, не прибегая к механическому воздействию на них. Она понимает, что может перемещать любой объект по своему выбору, но этот дар окажется совершенно бесполезным, если не будет служить какой-либо цели. Какая польза от случайного передвижения предметов под воздействием психической силы? Женщину посещает мысль о возможном неблагоприятном применении энергии такого типа, например, с целью совершить насилие или причинить вред.

Она звонит врачу и консультируется с ним относительно феномена телекинеза. Врач навещает ее и сам убеждается в ее необычайной способности. Он спокойно, как старый мудрец, объясняет: «Телекинез – это великий дар, который называется органической волей. Это воля, исходящая из сознания на субмолекулярном уровне. Она преобразует движение нейтронов, протонов или электронов в новые молекулярные структуры, необходимые для трансформации материи. Следовательно, то, что внешне кажется движением на уровне феноменологического мира, является превращением самой материи посредством органической воли». Сновидица потрясена и просыпается.

Мифологическая история: неизвестна

Образы идентичности: Мудрый Старец, Пожилая Мудрая Женщина, Андрогин, Сочувствующий Человек

Как уже отмечалось ранее, эти стадии развития представляют собой скорее экспериментальный результат обобщения клинического опыта, чем эмпирически обоснованную парадигму. Они были разработаны для создания своеобразной «путеводной карты» или руководства в широком спектре образов анимуса и переживаний в жизни женщины. На мой взгляд, схема развития анимуса может иметь практическое применение для определения некоторых основных характеристик, связанных со скрытыми и, возможно, бессознательными представлениями женщин о мужчинах и социальных маскулинных институтах. Кроме того, эта схема может стать полезным руководством для каждой женщины при определении ее самооценки. Если отношение женщины к самой себе определяется с позиции ее анимуса, она ощущает собственную значимость и уверенность в своих силах.

По моему мнению, главное достоинство этой схемы – возможность определить с ее помощью те неосознаваемые поведенческие модели женщины, которые оказывают влияние на отношения с мужчиной, ее партнером. Если супружеская пара постоянно отыгрывает присущие негативному материнскому комплексу роли ведьмы и героя или ведьмы и быка, роль ведьмы в процессе индивидуального развития может стать привычной для женщины. Успех в терапии семейных пар зависит от точной оценки индивидуального развития каждого партнера. Если реакция одного из супругов соответствует первой стадии развития анимуса, терапия такой семейной паре может быть противопоказана.

Например, если женщине присущ анимус в образе «чужого человека», то помимо семейного консультирования ей обязательно потребуются разные виды индивидуальной психологической помощи. Практическая работа с семейной парой часто становится неэффективной, если женщина остановилась на первой стадии развития анимуса, ибо на этой стадии отсутствует базовое доверие к мужчине-партнеру. На этой стадии развития возможен только один тип отношений с матерью или другими женщинами – зависимость и слияние. Даже с помощью психотерапевта такая женщина часто не способна осознать метафорический смысл своего недоверия к мужчинам вообще и, в частности, к своему партнеру. На этой стадии женщина не владеет «формальными мыслительными операциями» (по Пиаже), а потому не может быстро и точно проанализировать свои мысли и чувства. У нее нет непрерывного ощущения своей идентичности в прошлом, настоящем и будущем. Такая женщина не способна отличать себя от других: она «думает за других», «читает их мысли», периодически их интерпретирует и, ощущая тревогу, постоянно втягивается в разговоры других людей, если они напрямую касаются ее идентичности.

С точки зрения теории объектных отношений, она не достигла надежного «постоянства объекта», а значит, не может поверить в непрерывное и надежное существование Я и Другого. Ее тревога связана с ее чувством собственного достоинства и ее навязчивыми компенсациями, обусловленными страхом своей неполноценности. На сеансах терапии такая женщина часто смешивает буквальный и символический смысл высказываний. Например, психотера-

певт обращает внимание клиентки на то, что в действительности муж ее не услышал, и она отвечает: «Но ведь он *слушал* все, что я говорю». Эта клиентка не понимает разницы между символическим значением глагола *слышать* (которое предполагает эмпатию и понимание точки зрения другого человека) и значением глагола *слушать*. Такая клиентка нуждается в поддержке и новых знаниях, которые могут быть предоставлены ей в процессе индивидуальной терапии. Ей необходимо приобрести полезные для общества навыки и умения, а также почувствовать свою значимость в супружеских отношениях.

У мужчины, который отыгрывает психологическую роль «быка», могут проявляться затруднения в личностном развитии, которые указывают на то, что он «застрял» на ранней стадии развития. Хотя у нас нет схемы развития мужской анимы, мы можем применить предложенную Ловингер схему развития Эго, которая позволяет назвать характерные для такого мужчины действия «импульсивными» и «самозащитными»³³. Мужчина имеет сходные проблемы с «постоянством объекта», формально-логическим мышлением и чувством собственного достоинства, хотя содержание его проекций и аффективно заряженных проблем должно быть иным. Как правило, основные проблемы мужчины, привычно отыгрывающего роль «быка», указывают на его зависимость и тщательно скрываемую уязвимость, а также гиперзащищенность, присущую мачо. Этот тип мужчины лучше всего характеризуется выражением «бессильная ярость». Такой мужчина представляет реальную опасность для своих близких из-за своей склонности к насилию, агрессии и девиантному поведению, проявляющемуся в различных формах: от алкоголизма до воровства и других противоправных действий.

В таком случае психотерапевт должен принять решение в отношении своих клиентов – супружеской пары: сможет ли личностное развитие одного из партнеров повлиять на формирование у другого партнера базового доверия, необходимого для изменения межличностных отношений. Если оба партнера отыгрывают негативный материнский комплекс, то время от времени они могут играть роль «ведьмы» или «быка», особенно если они полностью поглощены друг другом. Если эти роли еще не стали для них привычными установками, супруги смогут взаимодействовать с терапевтом и использовать терапевтические интервенции во время сессии, чтобы проанализировать свое поведение и попытаться изменить его. Но если они имеют проблемы с личностным развитием, тогда им даже с помощью терапевта не удастся уйти от характерной модели поведения, присущей образу ведьмы или быка. (Этот вопрос подробно обсуждается в главе 7.)

Работая над изменением доминирующей сознательной установки, терапевт должен хорошо понимать, какими ресурсами обладает клиент для проведения такой работы. В контексте существующих терапевтических целей терапевту следует также понять особенности индивидуального развития клиента. Как правило, цели, которыми мы с котерапевтом руководствуемся в своей работе с семейными парами, направлены на придание смысла происходящему, на формирование эмпатии и мотивации. Как сторонница теории феминизма, я всегда обращаю внимание на низкий статус женской половой идентичности: какое влияние он оказывает на женщин и на общество в целом, включая мужчин. Будучи юнгианским психологом, я уделяю особое внимание символическому выражению человеческих эмоций и в интрапсихической области, и в сфере межличностных отношений. Эти два дополняющих друг друга под-

³³ См. Loevinger, *Ego Development*. Импульсивная стадия развития Эго характеризуется дооперациональным мышлением и импульсивным отыгрыванием. Небольшое отличие заключается в том, что чувства, мысли, действия и самость понимаются с точки зрения деятельности. Последствия действий нельзя предвидеть, и основная установка на награду/наказание не была интериоризована. Стадия развития самозащиты характеризуется конкретным и стереотипным мышлением, а также наличием надежд и страха. Ответственность и недовольство находят внешнее выражение, но становится понятной базовая последовательность награда/наказание. Мотивации формируются вокруг избегания боли и страданий и поиска удовольствия. Межличностные отношения характеризуются амбивалентностью и соглашательством. Враждебность и агрессивность выражаются и проецируются в связи с их частым присутствием в близких отношениях. Человеческое «Я» ощущается с точки зрения действия, а также предвидения и ожидания его последствий.

хода помогают мне при определении целей терапии и при выборе конкретных терапевтических интервенций.

Индивидуация как модель развития

Третий важный вклад Юнга в психотерапию – это идея индивидуации как последовательной интеграции в индивидуальное сознание бессознательных комплексов, продолжающейся в течение всей жизни. Эта идея также согласуется с феминистской терапией, так как она основана на предположении о базовой бисексуальности или врожденной целостности человеческой личности. Юнг утверждал, что задача индивидуации во второй «половине» жизни заключается в том, чтобы уравновесить одностороннее развитие первой «половины» (я намеренно использую кавычки, чтобы показать, что «половины» не обязательно соответствуют физическому времени, а относятся к целостности человеческой личности). Юнг утверждал, что мужчины должны интегрировать в свою личностную идентичность вытесненные аспекты феминности, т. е. аниму, а женщины – вытесненные аспекты маскулинности, т. е. анимус.

Индивидуация на ранней стадии личностного развития, которая начинается в младенчестве и продолжается вплоть до достижения человеком физиологической зрелости, предполагает последовательную интеграцию бессознательных комплексов «внешней власти» родителей (материнский и отцовский комплексы) и божеств (комплексы Бога, Царя и Патриарха) в индивидуальное ощущение Я. Целью ранней стадии индивидуации является приобретение навыка самостоятельных действий, формирование ответственности и достижение идентичности. Человек, достигший уровня идентичности, присущего зрелому взрослому, ощущает свою надежность и значимость и способен приносить пользу другим людям и обществу в целом. Такой человек глубоко уверен в том, что другие люди, прежде всего его супруг (или супруга), тоже достигли этой стадии.

Основное положение теории индивидуации в юнгианской психологии заключается в том, что целостность человеческой личности никогда не существует изначально и никогда не может быть достигнута полностью. Хотя достижение целостности зависит от желания и возможностей человека, актуальное состояние большинства людей – это соединение самостоятельной, целеустремленной и сознательной деятельности с бессознательными комплексами или частями личности, которые не полностью интегрированы в сознание. Психотерапевту, работающему с супружескими парами, важно объяснить своим клиентам, что проблемы в межличностном общении не всегда обусловлены преднамеренными решениями или действиями людей. Часто общение между супругами, особенно во время конфликта, наполняется иррациональным бессознательным смыслом, который обусловлен воздействием комплекса.

И если процесс индивидуации, который продолжается в течение всей человеческой жизни, характеризуется постоянным стремлением к единству, связности и целостности, то в каждый конкретный момент люди стремятся ощущать непрерывность бытия и деятельности, личностной идентичности и поведения. В течение всей жизни личность развивается, объединяя сферу личностной значимости с ответственностью, преднамеренностью действий и самосознанием. Когда личностный смысл бытия взрослого человека полностью сформирован, следующая задача личностного развития состоит в придании индивидуальному бытию ощущения относительности. Тогда во второй «половине» жизни человек развивается, интегрируя и признавая в себе и в окружающих смысл ограничений и потерь, неадекватности и страха. Это ощущение относительности прежнего способа адаптации человека, которое достигается через интеграцию и трансценденцию личных потерь и обретение более широкого взгляда на жизнь, может проявляться в религиозности человека, в признании им существования более высокой цели по сравнению с его личными желаниями или в понимании человеческой жизни в широком социальном контексте.

Объятие с «ведьмой» или встреча лицом к лицу с вытесненными аспектами своей личности (часто вследствие их проекции на партнера) – это возможность сделать первый шаг к

индивидуации в среднем или даже в более зрелом возрасте. Если в семейной паре обостряются конфликты из-за постоянного отыгрывания в межличностном общении негативного материнского комплекса, каждый из партнеров может понести большие потери. Обоих подстерегает опасность утраты близких взаимоотношений. Мужчина может потерять жену и детей, свой авторитет и значимость для других членов семьи, а также утратить контакт со своим внутренним миром. Женщине грозит потенциальная опасность полностью потерять взаимопонимание в отношениях с мужем, утратить возможность восстановления своей женской идентичности и возможность стать полностью независимым взрослым человеком. Необходимым условием для дальнейшей индивидуации на этом этапе является осознание каждым из партнеров своей задачи индивидуального развития. Каждый из супругов должен осознать необходимость собственного глубинного изменения, а не только изменения личностных качеств своего партнера или самой ситуации. Признание потенциальных потерь часто становится потрясением, которое побуждает партнеров к работе над внутренними проблемами, заведшими их отношения в тупик.

«Объятие с ведьмой» способствует переоценке каждым из партнеров и внутренней, и внешней фемининности. Возможно, это звучит парадоксально, но для восстановления прочной и надежной внутренней связи со своей вытесненной маскулинностью (с анимусом) женщина должна определенным образом оценить свою фемининность. Переоценка влечет за собой интеграцию авторитетности и значимости женщины, когда она заявляет о своих способностях и умениях, столь необходимых для воспитания детей и для установления отношений с другими людьми. Для мужчины переоценка фемининности обычно означает признание своей зависимости, наличия потребностей и чувств. Работа с супружеской парой над «объятием с ведьмой» обычно начинается со столкновения с потенциальными потерями, вызывающего потрясение, которое иногда частично провоцирует сам психотерапевт. Если базовое доверие между супругами нарушено и если супруги испытывают обиды, разочарование и отчаяние, то они, как правило, признаются в своей беспомощности, теряют надежду и не имеют интереса к работе над своими внутренними проблемами. Необходимой заинтересованности клиентов можно достичь при осознании супругами реальной угрозы потерь посредством работы над существующей сознательной установкой.

Конкурирующие реальности в интерактивном поле

Четвертый важный вклад Юнга в психотерапию – фокусировка на существовании конкурирующих психических реальностей в интерактивном поле. По мнению Юнга, на внешнее общение и способы самовыражения людей оказывают влияние конкурирующие реальности – как внутри интрапсихического взаимодействия комплексов, так и внутри межличностного взаимодействия людей. Рациональная, повествовательная форма выражения психического содержания – лишь одна из форм общения и мышления, но не единственно приемлемая. Бессознательную и иррациональную реальность не нужно преобразовывать в рациональную форму, чтобы их понять. Юнг был уверен в «разумности» бессознательного мышления и в необходимости компенсировать осознанные и рациональные мысли образами бессознательного. Одна из важнейших идей юнгианской психологии заключается в *полезном взаимодействии* осознаваемых и неосознаваемых комплексов в пространстве личности, а не в *доминировании* эго-сознания над личностью. С феминистской точки зрения эта идея привносит в мир человеческой коммуникации реальные формы мышления и выражения психического содержания, которые при этом не обладают качеством рациональности. Образы, жесты и эмоции являются универсальными средствами коммуникации, глубинное содержание которых можно понимать, не переводя их в рациональные формы.

Попытка описать все способы самовыражения человека на рационально-эмпирическом уровне была подвергнута критике со стороны теории феминизма. Необходимость рассуждать на языке «маскулинных» наук привела к тому, что выражение «иметь смысл» теперь означает «быть рациональным», или же «эмпирическим». Символические, образные и эмоциональные формы самовыражения, а также жесты не сводятся к рациональным и эмпирическим формам и отличаются от них.

Юнгианская психология предоставляет концептуальную систему для пространства взаимодействия. Юнг и Салливен научили меня обращать внимание на три различные конкурирующие реальности, присущие всем формам человеческой коммуникации. В разных случаях та или иная из этих реальностей оказывается наиболее полезной для понимания смысла экспрессивного явления. Приведенное ниже краткое описание каждой реальности демонстрирует экспрессивную форму, или размерность межличностной и внутриличностной реальности в терминах юнгианской психологии. Так как в следующих главах я более подробно расскажу о теориях Юнга и Салливена, в этой главе я рассмотрю терминологию Салливена, соотнеся ее с описаниями Юнга. Знание этих понятий помогало мне и в индивидуальной терапии, и в работе с семейными парами, особенно в процессе обучения их тому, как реагировать на иррациональную коммуникацию.

Архетип как таковой (сопоставим с *прототаксической реальностью* Салливена): основные организующие тенденции или склонности к выражению человеческих инстинктов в процессе эмоциональной коммуникации. Так как человечество – это социальная группа, человеческие инстинкты связывают и разделяют членов этой социальной группы, способствуя ее выживанию и успешной деятельности. Архетипы находят выражение в жестике (улыбка, объятия, сосание и т. д.), в состоянии тела (напряжение или расслабление) и в движениях (укачивание, поглаживание, подбрасывание и т. д.). Эти способы выражения архетипов, сформированные на основе типичных человеческих взаимодействий в течение жизни, в разных культурах изображаются и передаются в преданиях, мифах, религиях, литературе и искусстве.

Архетипический комплекс (сопоставим с *паратаксической реальностью* Салливена): интегрированная совокупность образов, идей, действий и чувств, сформированных на основе архетипов. Комплексы можно рассматривать в соответствии со «схемой аффектов» или с обобщенными схемами мыслей или действий, которые обычно формируются и осуществляются в

связи с определенными смысловыми понятиями, такими, как мать, отец или ребенок. Комплексы имеют некоторое содержание и ощущаются как настроения или реакции на внешние стимулы, а также как символические и ритуальные действия. Они оказывают на человека иррациональное мотивирующее воздействие и побуждают его кем-то стать или что-то сделать. В сновидениях комплексы находят отражение в образах знакомых людей или других персонажей, в проявлении определенных человеческих качеств или в деталях окружающей обстановки. Комплексы обезличены, они порождаются проблемами, универсальными для человеческого общества; комплексы наполнены содержанием, которое является частью контекста прежней и настоящей жизни человека. На комплексы оказывает определенное влияние взаимодействие человека с другими людьми, но заряжаются комплексы инстинктивно, способом, универсальным для всех людей. Архетипические комплексы бессознательны или могут быть осознаны частично. Они ощущаются под влиянием повседневной человеческой реальности, но «познакомиться» с ними можно только в процессе рефлексии. Комплексы можно назвать системами значений, имеющих иррациональное, символическое выражение. Их содержание и смысл раскрываются только в процессе изучения мифологом культурного наследия в целом и, в частности, тех преданий, которые связаны с типичными сторонами человеческой жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.